

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА «ОБЩЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ»

«МЫ ПОЗНАЛИ ЛЮБОВЬ»

РИМИНИ, 11–13 АПРЕЛЯ 2025 г.

«Мы познали любовь»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
«ОБЩЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ»

Римини 2025

На обложке: *Воскрешение сына наинской вдовы*. Мозаика. Монреале, кафедральный собор, южный неф. © Архив Ultreya / Фото: Дж. Кьярамонте с разрешения Архиепархии Монреале

«По случаю духовных упражнений Братства „Общениа и освобождения“ на тему „Мы познали любовь“ Святейший Отец Франциск обращает к вам сердечное приветствие с надеждой, что дни молитвы и размышлений пробудят желание позволить воскресшему Христу достичь вас и сознание, что никто не отлучен от Его милосердного сердца. С такими пожеланиями Его Святейшество заверяет вас в молитвенном памятовании и с радостью преподает апостольское благословение».

Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь
Его Святейшества, 11 апреля 2025 г.

Пятница, 11 апреля, вечер

Йоганнес Брамс

Симфония № 4 ми минор, ор. 98

Филадельфийский оркестр — Риккардо Мути

«*Spirto Gentil*», n. 19, (Philips) Universal

■ ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Давиде Проспери

Папа Франциск назвал Святого Духа «Творцом общения... умеющим устранять преграды»: «Он созидает общину верных, приводя в гармонию единство Тела и многообразие членов. Он позволяет расти Церкви, помогая ей преодолевать человеческие ограничения, грехи и любые раздоры»¹. Давайте же воззовем к Духу Святому, чтобы Он даровал нам благодать кроткого сердца и мы могли дать место инициативе Господа.

Гимн Святому Духу

Всем добрый вечер и добро пожаловать! По-настоящему трогательно видеть наш народ, собранный здесь на упражнения.

Прежде всего прочитаю телеграмму Святейшего Отца:

«По случаю духовных упражнений Братства „Общениа и освобождения“ на тему „Мы познали любовь“ Святейший Отец Франциск обращает к вам сердечное приветствие с надеждой, что дни молитвы и размышлений пробудят желание позволить воскресшему Христу достичь вас и сознание, что никто не отлучен от Его милосердного сердца. С такими пожеланиями Его Святейшество заверяет вас в молитвенном памятовании и с радостью преподает апостольское благословение. Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь Его Святейшества».

Мы очень рады вновь собраться вместе. Здесь в Римини нас девятнадцать тысяч, еще порядка двух тысяч подключились на Сицилии, Сарди-

¹ Франциск. *Общая аудиенция*, 19 июня 2019 г.

нии и в Лацио, более трех с половиной тысяч смотрят трансляцию у себя дома. Сюда нужно добавить людей, подключившихся в двадцати странах мира, тогда как еще в пятидесяти девяти странах упражнения пройдут в ближайшие недели.

Почему мы рады? Потому что мы народ в пути, мы идем по дороге, чью благотворность подтвердил папа, по-отечески сопровождающий нас. Решительно продолжать идти по этой дороге призвал меня и кардинал Анджело Скола, с которым я встречался на прошлой неделе. Мы получили огромный дар; в конце концов, именно это и означает буквально слово «харизма». Апостол Павел говорит: «Свидетельство Христово утвердилось в вас, — так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании... Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего»².

Чтобы подвести нас к работе этих дней, подчеркну два пункта.

1. Ответственность за харизму

Наша ответственность возможна благодаря Его верности — верности Бога. После последнего письма Святейшего Отца многие из вас спрашивали меня, что значит быть сегодня ответственными за харизму, особенно перед лицом непреходящего искушения, на которое отец Джуссани указал уже на первых упражнениях Братства в 1982 году, процитировав, как свои, слова из письма одной студентки: «Головы склоняются над ошибками — нашими собственными и других людей, над нашими проблемами и проектами. Кажется, невыносимо трудно вновь поднять взгляд с самих себя к Присутствию. В итоге Христос не в состоянии по-настоящему сдвинуть в нас что-либо, мы не воздаем Ему славу. Мы думаем о Христе и действуем во имя Христа, но не признаем воскресшего Господа, победившего и присутствующего»³.

Какая же ответственность от нас требуется? Позвольте мне одну литературную аналогию. Настоящий исторический момент напоминает ситуацию, в которой оказались главные герои произведения, которое я очень люблю, «Властелина Колец», после того как бездна Мории поглотила Гэндальфа — того, кто до тех пор был их проводником. Когда, казалось бы, уныние и потерянности берут верх, членам отряда приходится совер-

² 1 Кор. 1:6:7, 9.

³ L. Giussani. *Una strana compagna*. Milano: BUR, 2017. P. 33.

шить важный шаг зрелости и общей ответственности. Не имея возможности физически следовать за Гэндальфом, они должны решить, идти ли по дороге, по которой он вел их, довериться ли его обещанию, согласно которому свершение их судьбы, их миссии отныне вверено их компании. Это мощный призыв к решению до конца доверять их дружбе, чтобы продолжать миссию, ради которой они собраны.

Продолжать и сегодня следовать за Тем, Кто первым возлюбил нас, — значит следовать по дороге, на которую Дух Святой по Своей инициативе поставил нас через харизму, дарованную отцу Джуссани. Именно на этой дороге *благодать* Его присутствия постоянно обновляется. Мы все время видим тому подтверждения. Я думаю о недавнем публичном мероприятии, организованном студентами из Милана (оно называется MUD), в рамках которого молодые люди рискнули и попытались вынести смелое суждение о сегодняшней ситуации.

Недавно я участвовал во встрече ответственных Латинской Америки, прошедшей в Бразилии, где увидел, как вера строит жизнь, поддерживая надежду и созидая связи милосердной любви даже во враждебном контексте. Один наш друг с Кубы выступил и рассказал о ситуации крайней бедности, которую в настоящий момент переживает его страна. Их каритатива заключается в том, чтобы ездить в сельскую местность, собирать продукты питания и раздавать их наиболее нуждающимся. Он объяснил, что электричество им дают на два-три часа в день, чтобы можно было сделать самые необходимые домашние дела, включая готовку и зарядку мобильных телефонов и компьютеров. Никто точно не знает, в какой момент дня это произойдет, может так случиться, что они как раз будут на каритативе. И тем не менее, они идут на нее. Почему? Наш друг сказал, что для него и его друзей каритатива — основополагающий момент для того, чтобы возрастала вера, а значит, она важнее приготовления обеда.

Мы здесь тоже для того, чтобы проверить благодать истории, в которую мы вовлечены, в которой на наших глазах постоянно появляются ростки и плоды, удивляющие нас. Церковь признает их и указывает на них всем.

Об этом трогательным образом свидетельствует статья кардинала Фаррелла (я сердечно благодарю его за то, что он и в этом году здесь с нами), опубликованная в журнале «Трачче», которую призываю вас перечитать. В ней он ясно указывает на «воспитательную харизму» Джуссани как на «провиденциальную инициативу Святого Духа, благодаря которой в нем

пророчески выразилось то, что впоследствии вдохновило Второй Ватиканский собор». Фаррелл отмечает: «Невероятная воспитательная и евангелизационная работа этого ревностного священника, верного служителя Церкви... по сей день продолжает указывать направление всей Церкви». И добавляет: «Его харизма и его неустанное апостольство — не только дар для Церкви, но и его вклад в жизнь мира, ведь весь мир ожидает Истину, примирение, надежду, которые могут прийти лишь от Христа»⁴.

Если это верно для отца Джуссани, то верно и для всего, что родилось от него (и мы здесь поэтому!). Мы призваны вновь ощутить благодарность за благодать, которую получили и которую Церковь вновь вручает нам сегодня. Первая ответственность каждого из нас по отношению к харизме — забота о нашем единстве, то есть о нашей дружбе.

2. Движение — дружба, чья цель — слава Христова

Движение — это в первую очередь дружба. Джуссани говорит о ней как о «компании, ведомой к судьбе»⁵. В принадлежности к ней наше сердце преобразуется, и в нас рождается более радикальная открытость для любви Христовой, как свидетельствует письмо одной нашей тяжело больной подруги, попросившей о вступлении в Братство: «Дорогой Давиде, мне пятьдесят два года, и я никогда не была в Братстве, но именно в нем хотела бы прожить последние оставшиеся мне месяцы. Благодарю Движение за все, что оно мне дало, и вверяю ему моих детей: именно они попросили меня записаться в Братство».

Подобная открытость перерастает в миссионерский порыв, как мы говорили на Дне начала года⁶. Из множества свидетельств, полученных нами в последние месяцы, прочитаю вам одно короткое письмо, которое, к моему удивлению, написала мне моя учительница из старших классов Сильвия (я не общался с ней много лет). Она из *Memoires Domini* и уже

⁴ К. Дж. Фаррелл. «Он всерьез относился к человеку, всерьез относился ко Христу». <https://ru.clonline.org/news/current-events/2025/02/03/kevin-joseph-farrell-ob-otce-giussani>.

⁵ «Дружба — компания, ведомая к судьбе, а иначе это низкое притворство, серьезное заблуждение. Правило состоит в том, чтобы следовать за нашей компанией, ведомой к судьбе, то есть обращающей нас к присутствию Христа. Важно напомнить: эта компания не является Христом, но Христос в ней, Он ее корень, исток, сила, ее судьба» (L. Giussani. *Uomini senza patria. 1982–1983*. Milano: BUR, 2008. P. 142).

⁶ См. Д. Проспери. *Призваны — значит посланы. Как начинается миссия*. День начала года «Общения и освобождения», 2024. С. 8 и далее. <https://ru.clonline.org/publications/other-texts/miscellany/prizvany-znachit-poslany-den-nachala-goda-2024>.

давно на пенсии. «Дорогой Давиде, я уезжаю в Иерусалим, где буду работать в Патриархате. Моя история была такой драматично прекрасной, что я могу с благодарностью отдать Господу последний отрезок моего существования. Эти несколько лет были сложными и болезненными, но сейчас юбилейный год, и я надеюсь, что Господь примет приношение моей жизни ради Его славы, ведь у меня, как у Анна Веркора только она и есть, чтобы пожертвовать ее ради установления мира и ради единства Движения».

Поразительно видеть в разных уголках света, как глубокая принадлежность к нашей дружбе неизбежно влечет за собой подлинный и личный порыв, пламенное желание созидать Церковь. В книге «Una rivoluzione di sé» («Революция самих себя») Джуссани объясняет, что Христос установил два «объективных условия» для созидания Церкви. Первое заключается в том, что «там, где нахожусь я, христианин, все во мне стремится превозмочь обычную динамику отношений», чтобы «в силу того, кто я, какой я, с присущей ли мне силой или слабостью, я старался созидать это новое место»⁷ — христианскую общину.

Второй фактор не позволяет первому стать моей проекцией и предполагает связь с «видимым и гораздо более широким единством» — «общиной Церкви в ее полноте». Это выражается в «следовании епископам, которые пребывают в единстве с епископом Рима — преемником Петра». Джуссани комментирует: «В диалектике этих двух факторов устанавливается, осуществляется христианское обращение». Однако, уточняет он, «второй аспект обращения является более радикальным... тот, в силу которого я должен сказать: „Моя мера не принадлежит мне“»⁸.

Наш путь веры и созидания вписан в опыт более широкого общения, в «мы» Церкви, превосходящее нашу перспективу и нашу меру.

В связи с этим приведу отрывок, взятый из духовных упражнений студентов, проведенных отцом Джуссани в 1985 году (они опубликованы Издательским домом Ватикана по случаю юбилея в новой книге под названием «L'incontro che accende la speranza» («Встреча, воспламеняющая надежду»): «Присоединение к компании [устремленной] к судьбе — вот христианская нравственность. Компания [устремленная] к судьбе исконно называется термином „Церковь“, или, лучше, „общение“. Причастность

⁷ L. Giussani. *Una rivoluzione di sé. La vita come comunione (1968–1970)*. Milano: Rizzoli, 2024. P. 144–145.

⁸ *Ibidem*. P. 145–147.

к ней производит путем осмоса, осмотического давления определенное поведение: это здравый способ изменять собственное лицо, совершать, как говорит Евангелие, *метанойю*, обновление ума»⁹.

Первое обращение, к которому мы призваны, — верность, та верность, о которой пишет Томас С. Элиот в «Камне»: «И... казалось, отныне люди должны идти от света к свету в свете Слова, / Через Страсти и Жертву спасенные, вопреки их дурной сущности; / Дикие, как и прежде, плотские, своекорыстные, как и прежде, себялюбивые и близорукие, как и прежде, / И все же вечно борющиеся, вечно подтверждающие, вечно возобновляющие свое шествие по пути, озаренному светом; / Часто колеблющиеся, плетущиеся, блуждающие, медлящие, возвращающиеся, но не идущие другим путем»¹⁰. Мы призваны быть верными любви Бога, присутствующего в Своей Церкви, достигшего нас и обнявшего через руки и лица людей в этой компании, потрепанной и несовершенной и все же являющейся надежным — надежным! — знаком Его любви, а значит, Его самого, потому что Бог есть любовь: *Deus caritas est*¹¹. Это Он избрал нас и не оставляет¹².

Послушаем отца Джуссани в коротком видео — отрывке из упражнений Братства 1991 года:

[показ видео]

«Я нашел молитву, которая обобщает все, над чем мы сегодня будем размышлять. Мы собираемся всего один раз в год, и поэтому должны всегда повторять существенные вещи, не стоит удивляться, если мы всегда проговариваем одни и те же вещи — единственные, которые придают жизни мудрость, устраняют из нее глупость. В этой молитве из амвросианского богослужения говорится: „Храни семью Твою“, Твою общину, Твой народ, „о Боже, верностью Твоей любви“, ради той самой истории, в рамках которой Ты ее создал, „и всегда поддерживай наше немощное существование Твоей благодатью — единственным основанием нашей надежды“. А благодать лишь одна: Тайна, ставшая Сыном Марии во плоти и крови,

⁹ L. Giussani. *L'incontro che accende la speranza*. Città del Vaticano: LEV, 2025. P. 88.

¹⁰ Т. С. Элиот. *Камень (Песнопения)*. Пер. наш.

¹¹ 1 Ин. 4:16.

¹² «И вот что удивительнее всего: Христос любит эту компанию, сложенную из бедолаг вроде меня и тебя» (L. Giussani. *Uomini senza patria*. P. 142).

то есть Христос единственное основание нашей надежды. Без Христа мы оказались бы в самом мрачном смятении, „вознагражденном“ лишь легкостью безграничного насилия». ¹³

Итак, если мы здесь, то чтобы вместе еще раз вернуться к «тем же самым вещам — единственным, которые придают жизни мудрость».

Передаю слово монсьёру Джованни Паккози, которого благодарю за то, что он и в этом году согласился сопровождать нас на пути более глубокого постижения трех богословских добродетелей. После веры и надежды в этом году мы обратимся к любви.

¹³ L. Giussani. *Un avvenimento nella vita dell'uomo*. Milano BUR, 2020. P. 13–14.

«Любовь Божия явлена среди нас»¹⁴

Неожиданно для себя (говорю это искренно) я снова здесь. В прошлом году, начиная упражнения, я сказал, что я «обыкновенный *bischero*, болван»... Теперь же я себя считаю дипломированным болваном! На самом деле я рад быть с вами, чтобы вместе рассматривать «третий столп, поддерживающий храм Бога»¹⁵, как говорит Джуссани, — любовь.

Путь, который мы стараемся проделать, был бы невозможен без тех этапов, которые мы прошли за последние два года благодаря упражнениям о вере, на которых проповедовал отец Лепори, и прошлогодним упражнениям о надежде. От веры — к надежде, от надежды — к любви. Этот путь емко описан в отрывке из хорошо известной нам книги «У истоков христианского притязания»: «Признание Христа и следование за Ним (вера) порождают... характерную экзистенциальную позицию, позицию человека в пути к еще не достигнутой цели, человека несгибаемого и неустанного, уверенного в будущем, ибо все [в нем] опирается на Его присутствие (надежда); в самоотдаче Иисусу Христу, в прирастании к Нему расцветает новая привязанность ко всему (любовь), которая порождает опыт мира — главный опыт человека в пути»¹⁶.

Признаюсь, хотя с тех пор, как Давиде попросил меня читать упражнения, я очень обеспокоился, сейчас я глубоко благодарен, что у меня есть возможность смотреть на то, каким самобытным образом отец Джуссани говорит о любви. Я чувствую совершенную несоразмерность безвозмездной нежности Бога по отношению ко мне и моей малости и хотел бы почти ничего не говорить от себя, позволить говорить одному лишь отцу Джуссани, понимая, как я далек от того, чтобы любовь была фор-

¹⁴ См. Бенедикт XVI. Энциклика *Deus caritas est*, 17.

¹⁵ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. С. 282.

¹⁶ Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М.: Христианская Россия, 2010. С. 134–135.

мой жизни. Я бы хотел жить ей, ведь без любви жить нельзя, я хотел бы и дальше учиться ей вместе с вами.

Я столкнулся с одной трудностью и в себе, и в других. Когда мы говорим о [милосердной] любви, которая подразумевает действие, дела, мы думаем, будто уже знаем, о чем речь. Однако это не так, и надеюсь, мне удастся передать вам что-то от этого дара, превосходящего то, что, как мы думаем, мы знаем. Я благодарен в том числе и за то, что в последние месяцы и особенно в последние дни я ощущал ожидание и молитвы многих из вас, писавших мне, ощущал их как великое объятие. И это самый прекрасный знак единства между нами, людьми, охваченными харизмой, которые, при всей нашей убогости и несознательности, любят Иисуса и хотят познать Его. Это единство — тоже выражение любви Христа среди нас.

В эти месяцы Церковь открывает перед нами широчайшие двери, «святые врата», чтобы мы получили любовь Господа во время Юбилея, в который мы вступили и который призывает нас быть «паломниками надежды», паломниками, идущими (как путешественник в прозвучавшей в начале песне¹⁷) к сердцу Христа, сердцу пылающему бесконеч-

¹⁷ R. Panes. *Home From Home*. Альбом *Little Giant*, 2014. © CRC Music. «Bright young sun, it looks like the morning's come, / and it's all come so easy like the heavens are wishing me well. / And those dawning eyes brought forth my own sunrise, / well it's been a long time since the beat of my heart was a friend, / it's been a long time since I felt I was breathing again. // *In you I found my home from home, / I left all that I knew for a love that I know.* // So fresh air, open ways, mild nights, wild days, / wondering in wonder, pondering what wandering we'll do. / I guess I don't care about what, when, or where / because I'm starting to realize the question worth asking is, who? / I'm starting to realize the question worth answering is you. // *In you I found...* // And that grip you prized me from, I was already trying to lose, / it was holding me, to hold me back from you. / I guess it's funny, this two-fold irony. / I guess it's funny, this two-fold irony, / greatest victory through my own defeat. / Greatest victory through my own defeat». (Яркое молодое солнце: покое, наступило утро, / и все случилось так легко, словно небеса желают мне добра. / И в этих рассветных глазах забрезжил мой собственный рассвет. / Давненько мое сердце не билось по-дружески, / давненько я не чувствовал, что снова дышу. // В тебе я нашел свой дом вдали от дома, / я оставил все, что знал, ради любви, которую знаю. // Свежий воздух, открытые пути, теплые ночи, необузданные дни, / в удивлении я гадаю, размышляю о том, какие странствия нас ждут. / Пожалуй, меня не волнует, что, когда или где, / я начинаю понимать, что главный вопрос, который стоит задавать: «Кто?» / Я начинаю понимать, что вопрос, на который стоит отвечать: «Ты». // Хватка, от которой я освобожден тобой и которую я уже пытался ослабить, / мешала мне вернуться к тебе. / Странная двойная ирония. / Странная двойная ирония: / величайшая победа через мое поражение. / Величайшая победа через мое поражение).

ной любовью, которой папа посвятил энциклику *Dilexit nos*¹⁸. Это один из текстов, который рекомендую вам перечитать в подтверждение и ради углубления того, о чем мы будем говорить.

Итак, приступим к рассмотрению нашей темы. В небольшом, но бесценном тексте «Смысл каритативы» отец Джуссани начинает с естественного устройства человека — так же, кстати, как и в замечательной статье 1961 года, на которую мы ссылались в прошлом году, говоря о надежде¹⁹.

В начале, объясняя цель каритативы, он пишет: «Прежде всего наша природа вкладывает в нас потребность проявлять интерес к другим людям». И добавляет: «Мы справедливо называем ее законом существования». Это закон существования, как еда и питье, как сон; это выражение самого устройства человека — проявлять интерес к другим. И, утверждает Джуссани, «мы ходим на каритативу, чтобы удовлетворить эту потребность. <...> Интерес к другим, общение с другими позволяют нам исполнить высший и, более того, единственный долг в жизни, который заключается в том, чтобы реализовать самих себя, достичь собственного свершения. Мы ходим на каритативу, чтобы учиться исполнять этот долг»²⁰.

Джуссани сразу же связывает интерес, общение с другими с великим долгом — нашим свершением. Однако в этот долг врывается встреча со Христом. Меня поражает, что в первом пункте отец Джуссани говорит «проявлять интерес», «общаться», но не доходит до «дарения себя другим». Он делает это в третьем пункте, где речь идет о Христе, Который открывает нам, почему по природе нам интересны другие: «Христос позволил нам понять глубокую причину всего этого, явив нам высший закон бытия и жизни — милосердную любовь. Высший закон нашего бытия — разделять бытие с другими, отдавать себя во всеобщее распоряжение. Лишь Иисус Христос говорит нам все это, потому что Он знает суть всех вещей, знает, Кто такой Бог, от Которого мы рождаемся, что такое Бытие». Углубление в онтологию сразу же перерастает в растроганный взгляд, обращенный к Иисусу: «Слово „любовь“ мне удастся вполне объяснить себе,

¹⁸ Франциск. Энциклика *Dilexit nos*.

¹⁹ L. Giussani. *Dalla speranza alla pienezza della gioia* (1961) // *Porta la speranza. Primi scritti*. Genova: Marietti 1820, 1997. P. 155–162. См. также: L. Giussani. *Realtà e giovinezza. La sfida*. Milano: Rizzoli, 2018. P. 139–146.

²⁰ [L. Giussani]. *Il senso della caritativa. Scopio, Conseguenze, Direttive*. Milano: Editrice Nuovo Mondo, 2018. P. 5–6.

когда я думаю, что Сын Божий, возлюбив нас, не ниспослал нам Свои богатства, как мог бы, совершив тем самым переворот в нашем положении, но Он стал бедным, как мы, „разделил“ с нами нашу ничтожность. Мы ходим на каритативу, чтобы учиться жить, как Христос»²¹.

Любовь, исполняющую наше желание любить и быть любимыми, мы открываем, когда встречаем Христа, когда узнаем Христа, потому что Христос дает нам Себя Самого; и в рамках этой дружбы, которая есть часть Его любви к нам, мы вместе можем «учиться жить, как Христос», чтобы становиться самими собой. Я не достигаю своего свершения собственными силами, я не способен на это. И недостаточно, что «мне и с самим собой было хорошо» (это лишь иллюзия), как заявляет господствующий сегодня взгляд на человека, сводящий все к психологии. Мы не обладаем Истиной о нас, истиной с большой буквы, и мы не достигаем ее в одиночку. Скорее это она обладает нами. Любовь, красота, счастье, истина открываются нам в Нем, вышедшем нам навстречу: «Мы познали любовь»²². Со встречи начинается последовательное «вторжение» Христа в нас, удовлетворяющее потребности сердца; именно так начинается изменение менталитета, позволяющее нам становиться одним целым с Иисусом, а значит, достигать нашей самореализации.

Завтра мы подробнее рассмотрим «вторжение» Христа в нашу человечность.

Призванные, возлюбленные

Я бы хотел вернуться к некоторым шагам, которые мы совершили в последние месяцы, по-новому открыв для себя встречу, достигшую нас давно или недавно и продолжающую достигать и очаровывать нас и сегодня. Благодаря тексту Дня начала года и работе школы общины над «Религиозным чувством» мы поняли, что были призваны, и этот призыв определяет и нашу задачу: свидетельствовать, что жизнь есть признанная и желанная принадлежность Другому, Ты-творящему-нас («я есть Ты-творящий-меня»²³). Мы были призваны, чтобы участвовать в призвании Христа, суть которого — делать зримой любовь Отца. «Джуссани говорит: „Великое призвание... совершенное Богом ради Его замысла в мире, — это призва-

²¹ *Ibidem*. P. 7.

²² *1 Ин.* 3:16.

²³ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 123.

ние Христа“ . <...> ...миссия Его состоит в том, чтобы делать видимыми замысел и любовь Отца... любовь Отца, непрерывно порождающую Его»²⁴.

На Дне начала года Давиде связывал все пункты с определенными фигурами, которые становились чуть ли не их олицетворением: самарянка, Иаков, Бернадетта, Франц и Франциска [Егерштеттеры]. Когда мы думаем о самарянке, мы прежде всего приходим в волнение, вновь осознавая, что, как и она, мы были призваны — сейчас призваны — из любви, в нашей запутанной и сложной ситуации: «Она вдруг ощутила себя желанной, любимой, или, если использовать выражение, дорогое отцу Джуссани, она почувствовала, что Мессия, Христос, судьба, Тот, ради Кого создано наше сердце и Кто всегда ожидает нас, сознаем мы это или нет, вымалывает ее у нее самой»²⁵.

Недавно папа Франциск посвятил общую аудиенцию истории самарянки: «Она не ожидала встретить в полдень человека у колодца, более того, она надеялась никого не встретить. Она отправилась за водой в необычный час, в разгар жары. Возможно, эта женщина стыдилась своей жизни, чувствовала осуждение, порицание, непонимание, и оттого она отгородилась, порвала отношения со всеми. Иисус, чтобы попасть из Иудеи в Галилею, мог выбрать другой путь, не проходивший через Самарю, и к тому же более безопасный, учитывая напряженность между иудеями и самарянами. Он же хочет пройти именно там и останавливается у колодца именно в тот час!»²⁶

То же самое случилось и с нами: Он захотел встретить нас. Мы были призваны и очарованы, завоеваны, побеждены, как Иаков, который побеждает, только когда позволяет Тайне победить себя. Прекрасная песня Ру Пейнса «Home from home» («Дом вдали от дома») удивительно говорит об этом: «Величайшая победа — в моем поражении»²⁷. «Бог... [словно говорит Иакову]: „Да, ты победил, но победа твоя не в обладании Мною. Она в том, что ты стал Моим, ты осознал, что принадлежишь Мне. Даже больше: ты наконец согласился отдаться Мне, полностью зависеть от Меня“»²⁸. Далее святая Бернадетта Субиру показывает нам, что полученное призвание открывает нам задачу жизни — свидетельство о Нем, и ничто

²⁴ Д. Проспери. *Призваны — значит посланы. Как начинается миссия.* С. 5.

²⁵ Там же.

²⁶ Франциск. *Общая аудиенция*, 26 марта 2025 г.

²⁷ См. сн. 17.

²⁸ Д. Проспери. *Призваны — значит посланы. Как начинается миссия.* С. 7.

не может помешать нам быть вместе с Ним главными героями Его миссии: «Мне поручено не заставить вас поверить, мне поручено сказать вам!»²⁹

Мы призваны ради свидетельства, ради миссии, ради великой задачи — созидания Церкви, которые могут включать и мученичество (свидетельство и мученичество — одно и то же). Несколько недель назад я прочитал, что триста восемьдесят миллионов христиан (каждый седьмой в мире) претерпевают гонения³⁰. А сегодня в газете «Il Foglio» говорилось о том, как жестоко преследуют Церковь в Никарагуа»³¹.

Давиде, процитировав на Дне начала года историю Франца и Франциски Егерштеттеров, напомнил нам одну важную вещь: свидетельство, к которому мы призваны, невозможно вне нашего общения, в котором обитает Христос, и более того, оно совпадает с нашим общением, с нашим единством в конкретных обстоятельствах нашей жизни — прекрасных или драматичных. Мы становимся свидетелями не в одиночку, а в единстве, как Франц, которого общение с женой поддерживало в его мученичестве.

Подведем итог. Любовь нельзя понять только в силу потребности в ней, как бы мы ни желали любить и быть любимыми (мы сотканы из этого желания). Она начинает открываться нам благодаря встрече, благодаря призыву, в котором Христос «сообщает» Себя, изливает Себя в тех, кто позволяет Ему покорить себя, приобщая их к Своей задаче, так что они вслед за апостолом Павлом могут сказать: «Уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего себя за меня»³².

Думаю, все мы после письма папы Франциска от 2 февраля почувствовали себя горячо любимыми. Когда папа потом попал в больницу, я растрогался от мысли, что он в ситуации великой немощи пожелал позаботиться о нашем совместном пути. У него было столько всего, о чем тревожиться, а он подумал о нас! Какой знак предпочтения и любви к нашей истории, как и телеграмма по случаю этих упражнений. Его напоминание о трудно-

²⁹ Там же. С. 8.

³⁰ F. Piana. *OpenDoors, cresce il numero dei cristiani perseguitati nel mondo* // *Vatican News*. 15 gennaio 2025.

³¹ M. Matzuzzi. *La polizia controllerà le omelie. La persecuzione senza fine in Nicaragua* // *Il Foglio*. 11 aprile 2025. P. 1.

³² Гал. 2:20–21.

стях между нами и множество вызванных им вопросов, в результате которых Давиде написал свое письмо от 28 февраля, побудили нас оглянуться на последние годы и понять, что все мы нуждаемся в обращении и изменении. Проблема не в том, кто или когда ошибся, а в том, как ты и я предстоим перед этими вещами.

Я видел, как благодаря сердечному следованию за авторитетом Церкви неожиданным образом расцветает жизнь между нами. Например, во мне, человеке, которому, как ни странно, ближе и роднее всего Движение в Латинской Америке, растут удивление и благодарность, когда я вижу, как многие люди с новым импульсом серьезно следуют и с головой бросаются в миссию в готовности служить Церкви, порождающей потрясающие вещи. Позволю себе напомнить вам о нашем большом друге Алехандро Мариусе, которому Церковь в Венесуэле, как вы, возможно, читали на международном сайте Движения³³, поручила руководство всеми инициативами, связанными с канонизацией Хосе Грегорио Эрнандеса, святого доктора, любимого всеми венесуэльцами. Не знаю, представляете ли вы, что значит Эрнандес для каждого жителя этой страны: он как друг для всех! И невероятно, что один из нас призван быть ответственным за такое событие (папа уже объявил о его канонизации)! Напомню также о том, как растет Движение в Гватемале, где впервые состоялся День начала года и началась школа общины. И о первом фестивале «Encuentro Nabana» в столице Кубы — публичном мероприятии, проведенном в таких сложных обстоятельствах силами друзей, о которых рассказывал Давиде, в присутствии епископа и нунция (об этом можно прочитать в замечательной статье на сайте³⁴). Остановлюсь здесь, но речь действительно о буйном расцвете жизни, который становится возможным благодаря простоте следования: вероятно, те, кто остро ощущает нужду во Христе и в харизме для того чтобы жить, идут до самой сути.

Наша неверность

Не всегда у нас есть такая простота, и часто даже кажется, что мы противимся следованию, желая сами диктовать условия. Сейчас Великий пост, посмотрим же в лицо нашему сопротивлению.

³³ A. Marius. *La santità è anche per me*. 25 marzo 2025. *clonline*.

³⁴ A. Calavia Arespacochaga. *Cuba. Una strana gioià, una strana compagnia*. 7 aprile 2025. *clonline*.

Великий пост достиг своей высшей точки: приближается Страстная неделя, которая обостряет осознание нашей неверности, нашего зла и нашей потребности в изменении. Именно из-за нашей слабости, из-за нашего греха, из-за нашего зла Христос приносит Себя в жертву, отдает Себя ради нас в Страстях и в крестной смерти, в которые мы погрузимся во время литургии следующих дней. Прекрасные сцены Страстей Иисуса, сменявшиеся на экранах, когда мы входили сегодня в зал, уже подводят нас к этой Тайне. Если мы сосредоточимся на взглядах Марии и Иисуса, нас еще больше взволнуют муки, на которые согласился Христос и которые разделила Мария из любви к нам. Глаза Иисуса у Дуччо всегда устремлены вниз, кроме двух сцен: перед Пилатом и при увенчании тернием. Там Он смотрит на нас, на зрителей, словно говоря: «А ты? Что значат для тебя Мои страдания? На чьей ты стороне?»

Приезжая сюда, на упражнения, каждый из нас взывает об обращении, о том, чтобы Его присутствие восторжествовало над нашей подлостью и предательством. Мы просим об этом, потому что «познали любовь».

В чем же выражается наше сопротивление такому признанию?

Прежде всего, как мне кажется, часто у нас возникает сомнение в том, что нас действительно любят, прощают, сомнение в том, что Бог действительно хочет нам блага. Подозрение, как у Адама и Евы, что Он мог нас обмануть. Такое сомнение парализует, ведет к акедии (унынию), к духовной лени, из-за которых мы утомляемся и бездействуем, становимся непроницаемыми для исправления и простого следования и которые в конце концов в лучшем случае выливаются в активизм, лишенный надежды (я должен полагаться на самого себя, должен выкарабкиваться из всего сам, потому что на самом деле я один).

В опубликованной прошлым летом книге отца Джуссани «Una rivoluzione di sé», а точнее, в тексте духовных упражнений центра им. Шарля Пегги, прошедших в декабре 1970 года, есть страницы, озаглавленные «Истоки зла в нас»³⁵. Они потрясли меня и стали вызовом, и я хотел бы обратиться к ним, поскольку, на мой взгляд, они помогут нам решительно вступить в борьбу, которую нам предстоит переживать в ближайшие дни.

Сомнение в том, что мы любимы, делает нас печальными. «Печаль в нас, прежде всего на религиозном уровне, на уровне отношения с Богом,

³⁵ L. Giussani. *Una rivoluzione di sé. La vita come comunione (1968—1970)*. P. 211—233.

особенно на уровне ответственности перед Христом, то есть на уровне реальной истории, христианской истории, истории Церкви, истории общины... эта печаль соткана из такой ужасающе легкой забывчивости, из такой необъяснимо (кажется, необъяснимо) легкой скуки (ощущения мелочности вещей, впечатления, что ты бьешь руками по воздуху, что слова абстрактны, что перед тобой несуразное предложение или, по крайней мере, предложение, на которое ничто конкретное в нас не откликается; мы не знаем, с какими из вещей, из которых состоит жизнь, оно связано; одним словом, мы чувствуем отчужденность)»³⁶.

Истоки такого чувства отчужденности, сразу поясняет отец Джусани, — зло, зло в нас. Чтобы помочь нам понять, он предлагает пристально взглянуть «на три-четыре комнаты твоего дома, на то, как ты ведешь себя с твоей женой, с твоим мужем, на то, как ты ведешь себя с твоими родителями, на то, как ты ведешь себя с друзьями по общине, с друзьями в группе, на то, как ты ведешь себя с приятелями в школе или с коллегами». И он выносит страшное суждение: «Наша жизнь дома или наша жизнь на работе и в школе, наша совместная жизнь в большинстве случаев — своего рода ничто. Как она лишена цвета и формы, как она лишена слова, как она лишена жизни. Короче говоря, какое отсутствие новой личности!»³⁷

Начало зла — ложь

Сомнение, печаль, забывчивость, скука, отсутствие новой личности: вот зло в нас. А зло — это ложь. Возможно, мы отождествляем зло с болью, страданием, с которыми нам часто приходится сталкиваться. Но «тогда нужно устранить одну двусмысленность, поскольку страдание не зло, не настоящее зло. Недаром через него пролегает путь к воскресению. Будь оно настоящим злом, Христос не взял бы его на Свои плечи и в Свое Тело и не умер бы». Зло, грех началом своим имеют *ложь*, они суть ложь. «Есть лишь одно зло: вспомним, что апостол Иоанн отождествляет зло со словом „ложь“»³⁸.

Ложь утверждается из-за нашей неверности Богу. Каково же начало зла? Неверность Богу. Не как намерение (а иначе нас бы сегодня здесь

³⁶ *Ibidem*. P. 216.

³⁷ *Ibidem*. P. 217–218.

³⁸ *Ibidem*. P. 218.

не было, тем более, что для этого пришлось чем-то пожертвовать, в том числе и деньгами), а как конкретная отдаленность от Него в нашей повседневной жизни. «Подумаем об инерции, об удобстве, о том, как мы воскуряем фимиам идолу удобства — идолу всех людей, буржуа и социалистов; вот неверность Богу!» Зло приживается в нас из-за нашей неверности Богу. Как мы это понимаем? Глядя на истоки наших суждений о ценности чего-то: «Откуда, и это наиболее коренной момент, возникают суждения о жизни, о том, что важно, суждения о полезности твоего присутствия, твоего образа действий? В чем причина твоей неудовлетворенности? <...> Твое беспокойство, твое ощущение, что ты не в своей тарелке, скрытые или неистовые претензии по отношению к жизни, к тому, что тебя окружает, твой угрюмый вид — в чем причина всего этого? ...в неверности Богу, возведенной в критерий, ставшей систематическим содержанием твоего суждения»³⁹.

Далее отец Джуссани описывает конкретную форму этой неверности: «Неверность Богу означает *неверность Его Факту в нашей истории* и в нашей жизни, означает неверность Его истории в нас». Неверность конкретной истории — возможно, во имя мнимой верности нашей идее о ней. «Мы не знаем Бога, кроме как через произошедший с нами факт. <...> Неверность Богу, то есть Его Факту, Его истории — вот начало зла, а следовательно, и его суть. <...> ...начало зла — в забвении встречи»⁴⁰.

Отец Джуссани объясняет, что, забывая о встрече, мы вновь начинаем применять нашу меру. «В чем заключается эта порочность, эта неверность Богу? Зло состоит в применении нашей меры. <...> ...мирского критерия». Этот мирской критерий мы применяем, «едим ли мы или пьем, бодрствуем ли или спим, от суждения о политических и общественных событиях до того, что совершается *in cubiculus vestris* (в потаенности ваших комнат)». Этот критерий проявляется в том, каким образом «мы одобряем друзей или не одобряем других, каким образом мы принимаем или не принимаем, каким образом мы встаем и ложимся, повсюду и во всем»⁴¹.

Охваченные встречей, помещенные в определенную историю, мы позволяем лжи, злу покорить нас. Эти слова пронзили мое сердце, подобно мечу. Отец Джуссани приводит как пример применения мирского критерия Каина, а потом Вавилон: «А Каин? А потоп? А Вавилон? Три

³⁹ *Ibidem*. P. 219–220.

⁴⁰ *Ibidem*. P. 220–221.

⁴¹ *Ibidem*. P. 224.

великих и таинственно показательных момента, выражающих радикальные перегибы, которые осуществляет наша мера, претендуя на управление вещами. Насилие, утверждение самих себя вплоть до насилия. Каин: инстинктивность, животные механизмы. Потоп: человек, с головой погруженный в реакцию, основанную на удовольствии. Вавилон: гордыня человеческого могущества (все мы вместе — бог)⁴².

Мы позволяем злу победить нас, достигая постыдной ничтожности. Приведу самую впечатляющую, на мой взгляд, цитату: «Кто из нас не испытывал унижительного чувства, когда мы произносим ложь, неправду, возможно, даже публично, и понимаем, что другие понимают, что мы лжем, и тем не менее продолжаем лгать? Это ужасно. Кто из нас не испытывал такое унижение или унижение от злоупотребления собственным телом или телом другого, ясно осознавал это и продолжал? Или кто из нас не испытывал унижения, ощущая всю собственную грязь, подлость, мелочность, эгоизм и самовлюбленность? Или все противоречие того, что мы провозглашаем и говорим, нашего желания утверждать самих себя, нашего желания властвовать? Кто из нас не переживал мгновения ясности, поступая так и тем не менее подчиняясь той силе, что тащила его за собой?»⁴³

В результате мы ощущаем огромное, ироничное и жалкое противоречие, в котором мы утопаем: отделяясь от Бога, от этой истории, мы в действительности используем не наш критерий, не наше мерило, а, увы, критерий мира. И правда, в нашем образе действий есть лишь одна альтернатива: «[Мы можем поступать] воспринимая и творя вещи согласно либо мере Божьей, идеалу, либо образу мыслей, навязанному другими; либо мера Бога, либо мирская мера — другого не дано. Ты не новый бог, способный создать третий, срединный путь: ты либо держишься Бога, либо, как говорит Библия, ты раб... раб мира». А критерий мира — это критерий князя мира, дьявола. «Потому что мир, как мы определили его ранее, есть точный геометрический локус этого критерия противопоставления Богу. И мир охватил нас, пронизал нас: первородный грех. Первородный — стоящий у корней»⁴⁴.

Отец Джуссани продолжает: «Первое наказание [за наше зло] состоит в том, что содержание нашей жизни становится тщетным, наши

⁴² *Ibidem*. P. 225–226.

⁴³ *Ibidem*. P. 228.

⁴⁴ *Ibidem*. P. 228–229.

обязательства в общине подобны ветру. Но не община ослабевает, не история Бога становится менее могущественной. Все дело в твоём зле, в неверности истории. Другое наказание... экстериоризация, формализация: „Labiis me onoram“ — „устаи своими чтут Меня, сердце же их далеко отстоит от Меня“. Какое ужасное наказание! В этой пустоте, или в этой черствости, в этой отдаленности сердца враг находит лазейку и проникает внутрь. Так, оставаясь в общине, продолжая исполнять христианский долг или пребывая в пустоте или в отчуждении, с годами ты оказываешься на ее обочине, замечаешь, что как будто находишься вовне, и достаточно легкого дуновения ветра, чтобы оборвать последнюю связующую нить. И ты будешь винить историю Бога, будешь винить общину вплоть до расторжения союза (завета), если оно возможно. [Вот суть вопроса. Однако сразу же после Джуссани добавляет следующее.] Но оно невозможно. Как говорит пророк Осия в каждой главе своей книги, во всей книге пророка Осии, наказание за зло дошло бы до расторжения завета, не будь Бог более упорным, чем ты, не будь Он более верным: „Ибо Я Бог, а не человек, и потому не оставлю тебя“⁴⁵.

Бедные грешники. «Ты знаешь, что я люблю Тебя»

Такое осознание, не оставляющее нам пространство для отговорок, возникает, однако, не от отчаяния и не от безжалостных обвинений, а от надежды, от обращения, от возвращения к Нему. Каким образом? «Обращение уже осуществляется — как первый момент — в крике. Обращение и есть крик. Я могу быть погребен на глубине ста метров под землей, под землей моих ошибок, под упорством моей меры или невозможностью или неспособностью разрушить эту чудовищную могилу моей меры: вот крик, вот обращение. Крик — это жизнь, которая пребывает, крик»⁴⁶.

Другими словами отец Джуссани говорит об этом в книге о надежде, которую упоминал Давиде: «Мы нищие! А нищета выражается в просьбе. Наше величайшее преступление в том, что мы не молимся»⁴⁷. Пусть наша молитва сегодня вечером, наше молчание, глубокое и намеренное (давайте по-настоящему желать его!), в эти дни будут

⁴⁵ *Ibidem*. P. 230.

⁴⁶ *Ibidem*. P. 231.

⁴⁷ L. Giussani. *L'incontro che accende la speranza*. P. 109.

наполнены криком, который есть желание вернуться к Отцу, подобно блудному сыну, говорящему: «Встану, пойду к отцу моему»⁴⁸, — криком, к которому прививается любовь, милосердие, благодать Господа Иисуса.

В завершение прочитаю несколько отрывков из «Мистерии святых невинных младенцев вифлеемских», в которых Пеги с неповторимой нежностью описывает обращение. Обращение, говорит он, не в том, чтобы составлять списки наших грехов, оно во всецелом предании себя Ему. Он приводит в пример паломника, который, достигнув, наконец, долгожданной святыни, смотрит на замаранные грязью ботинки и начинает очищать их, прежде чем войти; однако в какой-то момент побеждает цель, побеждает Присутствие, побеждает желание Христа, и, хотя не вся грязь оттерта, он входит и в Его объятии завершает свой путь.

Бог говорит: «Я принимаю ваше покаяние. Вы хороший народ, вы молодцы. / Но если вы хотите по ночам вновь и вновь обдумывать и мусолить все неблагодарности дня, / Всю горячность и всю горечь дня, / если вы хотите пережевывать по ночам все ваши кислые грехи за день... / Не составляйте счетов и реестров. / Это чрезмерная гордыня. / И к тому же потеря времени. Слишком много бумажной волокиты. / Когда паломник, когда гость, когда странник / Долго шел по дорожной грязи, / Он, прежде чем переступить порог церкви, тщательно вытирает ноги, / Прежде чем войти, / Потому что он человек чистоплотный, / И дорожная грязь не должна пачкать пол церкви. / Однако, сделав это, вытерев ноги, прежде чем войти, / Войдя, он уже больше не думает о ногах, / Он не продолжает смотреть, достаточно ли чисты его ноги. / Его сердце, его глаза, его голос / Теперь обращены лишь к алтарю, где Тело Иисуса, / И воспоминание и ожидание Тела Иисуса / Сияют вечно. <...> / Пусть же ваши испытания совести и покаяния / Не костенеют и не упорствуют в прошлом, / Народ жестоковыйный, / Но пусть они умягчают вас, и пусть ваши испытания совести и покаяния и самые горькие сожаления / Будут покаяниями расслабления, бедные дети, и сожалениями отпущения / И отдания в Мои руки и отказа / (Отказа от самих себя). / Но я вас знаю, вы все такие же. / Вы хотите приносить Мне великие жертвы, но только чтобы вы сами их выбирали. / Вы предпочли бы скорее приносить Мне великие жертвы, но

⁴⁸ Лк. 15:18.

только не те, каких Я от вас жду, / Чем приносить те малые, каких прошу Я. / Вы такие, Я знаю вас. / Вы сделаете все для Меня, кроме той толики забвения себя, / Которая для Меня всё»⁴⁹.

Пусть молчание поддерживает нас в таком отпущении, предании себя, забвении себя, чтобы мы позволили войти Ему, чтобы могли сказать искренно, из глубины нашего зла: «Ты знаешь, что я люблю Тебя»⁵⁰. «Мы познали любовь».

⁴⁹ Ch. Péguy. *I misteri*, Milano: Jaca Book, 1997. P. 298–299, 301.

⁵⁰ *Ин.* 21:17.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: *Иер. 20:10–13; Пс 17 (18); Ин. 10:31–42*

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА МАУРО ДЖУЗЕППЕ ЛЕПОРИ,
ГЕНЕРАЛЬНОГО НАСТОЯТЕЛЯ ОРДЕНА ЦИСТЕРЦИАНЦЕВ

«И пошел опять за Иордан, на то место, где прежде крестил Иоанн, и остался там. Многие пришли к Нему... И многие там уверовали в Него».

Возможно, мы должны прожить упражнения, как если бы это мы отправились на поиски Иисуса в пустыню, туда, где крестил Иоанн, на поиски Иисуса отвергнутого, отстраненного, Которого пытаются убрать любой ценой. И именно там, пребывая в месте, где Он *остаётся*, где Он находится, где Он *присутствует*, сокрыто, но присутствует, именно там, в силу простого факта, что они отправились на Его поиски, «многие уверовали в Него». И мы можем быть настигнутыми верой в Него и, принимая эту веру, присоединиться к Его славе, славе Сына Божия, славе Того, Кто пребывает в Отце, и Отец — в Нем, и одновременно, в том же акте веры присоединиться к Его кресту, к Нему отверженному, нелюбимому, непризнанному.

В этой пустыне нам дана вера во славу креста, в воскресение Распятого, в жизнь, победившую смерть. И потому мы можем вновь начинать с веры, словно воспламенной милосердной любовью, изумленной любовью к Господу, как говорится в псалме, который мы только что слышали: «Возлюблю тебя, Господи, крепость моя! Господь твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое».

Да, я люблю Тебя, о Любовь, воплощение всей силы, и прибежища, и избавления, необходимых мне, чтобы жить, чтобы быть самим собой. Все Твое, ибо все создано, чтобы принадлежать Тебе, все создано, чтобы и я мог сказать, как Ты говоришь об Отце: «Ты во мне, и я в Тебе» (ср. *Ин. 10:38*). И нас обоих определяет объединяющее нас общение, делающее нас существенно важными друг для друга в силу той милосердной любви, которая есть вечно плавающий огонь Вашего общения в Пресвятой Троице. Она охватывает меня и делает меня одним сердцем и одной душой со всеми «охваченными», всеми «захваченными» встречей с Тобой, общением с Тобой, в общении Твоей вечной милости.

Если происходит это, происходит все! Все тогда совершенно во мне, в каждом из нас и между нами и в нас для мира. «Свойство огня — пылать и превращать в себя то, что приближается к нему», — писала святая Екатерина Сиенская (Письмо 228). *Огонь есть любовь. И* все, чего он касается, он преображает в общение, в «принадлежность Христу», а значит, «всем»; в принадлежность, свобода которой не знает границ, когда она дарует себя или позволяет себя покорить; принадлежность, способная преображать мир именно там, где мир покоряет тебя, чтобы отбросить, чтобы устранить, как Иисуса.

И именно потому, что Ты, о Христе, есть огонь и позволяешь Тебя достичь, тот, кто достигает Тебя, оказывается охваченным пламенем, любовью. И в конце концов все будет огнем, все будет неопалимой купиной, охваченной — в Духе Святом, Который ничего не разрушает, — любовью Христовой, потому что Он является воплощенной Любовью, дающей нам пребывать в Боге, ибо Бог в нас.

Суббота, 12 апреля, утро

Франц Шуберт

Соната для арпеджионе и фортепиано, D 821

Виолончель — Мстислав Ростропович, фортепиано — Бенджамин Бриттен
«*Spirto Gentil*», n. 18, (Decca) Universal

Ангел Господень

Утренняя

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Джованни Паккози

«Что стоит жизнь, если ее не отдать?»⁵¹

Мне нелегко начинать сегодня утром. Вчера вечером я узнал о неожиданной смерти Элси, моей близкой подруги. Хочу прочесть вам то, что она написала мне несколько дней назад, готовясь лечь в больницу на операцию, которая должна была привести к выздоровлению, а в итоге Элси встретила на ней свою смерть и отошла к Господу: «Господь даровал мне переживать Великий пост в единении с Ним, подготавливая мне к осознанию, что моя жизнь зависит лишь от Него. Иногда у меня возникало искушение забыть об этом, но, поскольку Бог больше, Он окружает нас облаком свидетелей, и они молятся обо мне и поддерживают меня. Сегодня Господь в Своей бесконечной любви просит меня сопровождать Его и соединиться с Ним в страдании этой Страстной недели, и я буду переживать всякую боль и всякую жертву как приношение — вместе с Ним». Пусть Господь дарует ей истинную радость и жизнь. Я думаю и о многих друзьях, скорбящих в этот момент.

⁵¹ П. Клодель. *Извещенье Марии*. Сериате: Христианская Россия, 1999. С. 175.

Плененные любовью Христа

«Избавь нас от лукавого [от зла], — просили мы только что в молитве «Отче наш». Избавь нас от зла, которое есть ложь и из-за которого мы сегодня можем говорить о любви и ощущать слова о ней как размытые и далекие.

В двенадцатой главе Евангелия от Марка мы читаем: «Один из книжников... подошел и спросил Его: какая первая из всех заповедей? Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: *слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею*, вот первая заповедь! Вторая подобная ей: *возлюби ближнего твоего, как самого себя*. Иной большей сих заповеди нет»⁵².

В книге «У истоков христианского притязания» отец Джуссани пишет: «Смысл человеческой жизни, совершенно уникальная и личная судьба, которая в ней заложена, зависит от той совершенно уникальной и личной любви, о какой Иисус говорит как о наивысшем критерии Страшного суда»⁵³. Таков закон существования. И о таком обращении мы просим: чтобы любовь Христова стала нашей. Речь не о правилах жизни, которые надлежит соблюдать за счет наших усилий, а о том, чтобы в нас струилась жизнь Христа, изумление перед тем, как Он пленяет нас, как изливается в наше сердце, в наше существо новизна Его сердца, Его существа. «Эти вещи, — говорит Джуссани, — входят в нас скорее не через банальность мнимого проясняющего анализа, а как бы под осмотическим давлением; они входят в нас, если мы смотрим на тайну Христа, как Иоанн и Андрей смотрели на Него говорящего и не перебивали»⁵⁴.

Это не усилие: в настоящем обращении нет ничего моралистического, оно благодать. Встреча, в которой Христос врывается в нашу жизнь, влечет за собой *постоянное* погружение в Событие. Если мы соглашаемся на такое *постоянное* вторжение Тайны в историю, как оно достигает нас здесь и сейчас, то оно *постоянно* преобразует нас в новую тварь. Именно поэтому, когда начинаешь говорить о карита-

⁵² Мк. 12:28–31.

⁵³ Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. С. 114.

⁵⁴ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 282.

тиве, вспоминаются слова отца Джуссани на собрании, приведенном в книге «Можно ли жить так?»: «Тема любви — это самая прекрасная в этом году тема (даже если в конце концов самой впечатляющей темой является вера: ты воспринимаешь Присутствие как бы во мраке. Если ты принимаешь это Присутствие во мраке, у тебя возникает представление и о любви)»⁵⁵.

Из убогих в нищих — через веру

Хотя мы хотим все больше открывать, что такое любовь, по сути основополагающей темой является вера. Напомню одну мысль отца Лепори на упражнениях два года назад: «*Вера есть пространство в нас, соответствующее событию Христа, Христу, пришедшему и присутствующему здесь и сейчас, чтобы спасти нас. Вера есть наша открытость событию Христа, нашего Спасителя.* Вот самая великая и важная вещь, которую нужно понять о вере, о том, го такое вера, что она должна означать для нас. Нас спасает не вера, вера позволяет Спасителю спасти нас, спасти мир. Без Христа, без события Христа у веры нет ни содержания, ни смысла»⁵⁶.

Вера во Христа позволяет Ему в корне менять наше существо, преобразуя нас, миллиметр за миллиметром, в Него. Миллиметр за миллиметром — так происходит со мной; возможно, для великих святых все случается в одно мгновение, но это всегда путь. Он преобразует нас, преобразует нашу *ничтожность* и Своей любовью в нас делает нас *нищими*, нищими Бога, молящими о Нем, чтобы Он освободил нас от лжи наших фальшивых (воображаемых) критериев. Из убогих — в нищих Бога! Я с изумлением читал в книге «Una rivoluzione di sé» следующее: «Он с глубоким вниманием относился к несчастному собрату. „Иисус, выйдя, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были, как овцы, не имеющие пастыря“. Он был светом. И потому речь шла не только об убогости расслабленного, слепого, глухого, того, у кого нет хлеба, об убогости души, смятения и мрака, фарисейского самомнения, потерянности и гордыни, но и об убогости ноги, которую нужно было распрямить, ока, которое нужно было от-

⁵⁵ Там же. С. 315.

⁵⁶ М. Дж. Лепори. *Взирая на Иисуса, начальника и совершителя веры.* Упражнения Братства «Общения и освобождения», 2023. С. 32.

верзнуть, уха, которому нужно было вернуть слух, голода человека, у которого не было еды, который нуждался в том, чтобы богач позвал его разделить с ним трапезу. Иисус живет глубоким и всецелым разделением, даром Себя братьям, которых Отец дает Ему встретить, чтобы освободить их от всякой убогости. <...> Он хотел восставить братьев из убогости (жалкого состояния), чтобы сделать их „нищими“: нищими Яхве, нищими Божиими. Нищий Божий не тот, у кого кривая нога или бельмо на глазу, не тот, кто глух и туг на ухо, или у кого в кармане ни гроша, или кто голоден. Нищий Божий — тот, кто ждет спасения, исходящего от Бога, и ничего больше. Он восставлял из убогости брата, которого встречал, чтобы из убогого сделать его нищим; из убогого, жалкого, из *aegenus*, из бедняги — нищего Божия, чтобы он ожидал спасения, исходящего от Яхве»⁵⁷.

Эту новизну Своего взгляда, эту милосердную любовь, которая освобождает нас (и мы чувствуем себя дома, у себя дома, как говорится в песне, звучавшей в начале⁵⁸), которая превращает нас из убогих в нищих, алчущих Его, Христос передает Своим, нам, «да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них»; Он передает ее общине апостолов, она переходит от Него к Церкви, и та передает ее в свою

⁵⁷ L. Giussani. *Una rivoluzione di sé*. P. 262–263.

⁵⁸ P. Giovanetti, J. Bossart. *Mi casa*. «Mi casa son tus ojos que despiertan / que miran con asombro las mañanas. / Que traen a este mundo las certezas / del Mundo donde habita la Esperanza. // Escucho el regocijo de las notas / que traen a mi vida tus palabras. / Las notas de ese canto me acompañan / porque en tu voz también está mi casa. // Mi casa está en el centro de la vida / donde se agita el pulso de Tu Casa. / Mi casa está en el centro de la vida / donde se aviva el fuego de Tu Casa. // Y bailan en mis ojos los colores / diversos de los rostros que me abrazan. / Colores de la tierra y de los trigos / colores tiernos de lejanas razas. // Mi casa es la amistad que me donaste / la risa que se asoma a tu llegada. / Tus manos que se estrechan con mis manos / tus ojos que levantan mi mirada». (Мой дом — твои глаза, которые открываются и с изумлением смотрят на утро, которые несут в этот мир уверенность в Мире, где обитает Надежда. Я слышу радостные ноты, которые твои слова приносят в мою жизнь. Ноты этой песни сопровождают меня, ведь мой дом и в твоём голосе. *Мой дом — в центре жизни, где бьется ритм Твоего Дома. Мой дом — в центре жизни, где горит очаг Твоего Дома.* У меня перед глазами пляшут разные цвета лиц, обнимающих меня, цвета земли и пшеницы, нежные цвета далеких народов. Мой дом — дружба, которую ты даровал мне, смех, раздающийся, когда приходишь, твои руки, которые сжимают мои руки, твои глаза, которые поднимают мой взгляд).

очередь⁵⁹. Подумаем о первом чуде, о первом великом жесте милосердной любви, как рассказывают о нем Деяния апостолов, о чуде исцеления хромого при Красных дверях храма. У этого чуда есть имя: Иисус. «Петр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи»⁶⁰. Речь о человеческой реальности, в которой убогость превратилась в просьбу нищих, чей взгляд, чье сердце обращены к Иисусу, источнику новой жизни (как Он обещал самарянке: «Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную»⁶¹), источнику новой любви, изливающейся от Него через них — и через нас! — для всех. «Я в них, — говорил Он, — и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня»⁶².

Вот почему «по сути основополагающей темой является вера», состоящая в том, чтобы оставить Ему пространство для действия: «Никто из нас не способен быть самим собой, то есть быть истинным, если не протягивает руку и не нищенствует к Богу, чтобы Тот, сотворив его, совершил: „Господи, Ты начавший это доброе дело, которое носит мое имя и фа-

⁵⁹ «Действительно, никто никогда не видел Бога таким, каким Он есть. И, тем не менее, Бог не является для нас полностью невидимым, Он не остается для нас просто недоступным. Бог первым возлюбил нас, говорится в процитированном Послании Иоанна (ср. *1 Ин.* 4:10), и эта любовь явлена среди нас, сделалась видимой, поскольку Он „послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него“ (*1 Ин.* 4:9). Бог сделал Себя видимым: в Иисусе мы можем видеть Отца (ср. *Ин.* 14: 9). В самом деле, у Бога есть множество способов сделать Себя видимым. В истории любви, о которой повествует нам Библия, Он идет нам навстречу, стремится покорить нас вплоть до Тайной Вечери, до Сердца, пронзенного на кресте, вплоть до явлений Воскресшего и великих деяний, с помощью которых Он, через апостолов, направлял путь зарождающейся Церкви. И в дальнейшей истории Церкви Господь также не отсутствовал: вновь и вновь Он идет нам навстречу, через людей, в которых Он являет Себя; Он идет нам навстречу через Свое Слово, в Таинствах, особенно в Евхаристии. В литургии Церкви, в ее молитве, в живой общине верующих мы ощущаем любовь Божию, чувствуем Его присутствие, и учимся таким образом распознавать ее также в своей повседневной жизни. Он первым возлюбил нас, и первым продолжает любить нас; поэтому и мы можем ответить Ему любовью. Бог не требует от нас чувства, которого мы не можем вызвать в себе. Он любит нас, Он показывает нам Свою любовь и дает ощутить ее, и из этого „первенства“ Бога в любви к нам может возникнуть ответная любовь также и в нас.» (Бенедикт XVI. Энциклика *Deus caritas est*, 17).

⁶⁰ *Деян.* 3:6.

⁶¹ *Ин.* 4:14.

⁶² *Ин.* 17:23.

милию, соверши меня⁶⁴. Потому что быть способным на любовь означает быть способным смотреть на людей, обращаться с ними, смотреть на вещи и обращаться с вещами так, как на них смотрит и обращается с ними Бог⁶⁵.

Быть самим собой, исполнить закон моего существования, а значит, и нравственный закон, который есть «истина в самих себе, в отношениях, в мире»⁶⁴, жить любовью я могу только через «вторжение» в меня Христа.

Иисус просит о такой любви в молитве в семнадцатой главе Евангелия от Иоанна: «Отче праведный! и мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня. И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них»⁶⁵. Об этом мы можем лишь просить, мы должны об этом просить, ничего больше, поскольку в этом — истина нашей жизни.

Милосердная любовь — таинственная сокровенная глубина Бога

Теперь мы можем обратиться к прекрасному и емкому определению из книги «Можно ли жить так?»: «Любовь, этот третий столп, поддерживающий храм Бога, то есть мир, указывает на его самое глубинное содержание, открывает сокровенность, открывает сердце этого Присутствия, которое признается верой»⁶⁶. Папа Бенедикт XVI в энциклике «*Deus caritas est*» (еще один важнейший текст, который следует перечитать) в свою очередь утверждает, что любовь — содержание веры, что мы верим в Бога, Который есть чистая Любовь, бесконечная Любовь. При этом он подчеркивает, что мы открываем ее в событии встречи. Он говорит это фразой, которую впоследствии перенял папа Франциск, повторив ее в своей энциклике «*Evangelii gaudium*»⁶⁷ и во многих других случаях: «*Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем*» (1 Ин. 4:16). Эти слова из Первого послания Иоанна с особой ясностью выражают суть

⁶³ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 315

⁶⁴ L. Giussani. *Una rivoluzione di sé*. P. 241.

⁶⁵ Ин. 17:25–26.

⁶⁶ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 282.

⁶⁷ «Я не устану повторять слова Бенедикта XVI, направляющие нас к сути Евангелия: „У истоков христианского бытия лежит не какое-то этическое решение либо великая идея скорее, это встреча с неким событием, с Личностью, которая, открывая жизни новый горизонт, тем самым указывает ей решающее направление“» (Франциск. Апостольское обращение *Evangelii gaudium*, 7).

христианской веры: христианский образ Бога, а также связанный с ним образ человека и его пути. Кроме того, в этом же стихе, Иоанн дает нам, так сказать, обобщенную формулу христианской жизни: „Вот так мы узнали и поверили в то, что Бог нас любит“ (цит. в пер. А. Десницкого. — *Примеч. перев.*). [Из шестнадцатого стиха третьей главы того же послания мы взяли фразу для темы наших упражнений: «Мы познали любовь».] *Мы поверили, что Бог нас любит*. Так христианин может выразить основополагающее решение своей жизни. [Далее следует фраза, которую неоднократно повторял папа Франциск]. У истоков христианского бытия лежит не какое-то этическое решение, либо великая идея, скорее это встреча с неким событием, с Личностью, которая, открывая жизни новый горизонт, тем самым указывает ей решающее направление»⁶⁸.

Думаю, тут мысль отца Джуссани созвучна — даже в том, что касается выбора слов, — с учительством Церкви.

«Мы познали любовь». Во встрече я понимаю, что Бог — это любовь, что милосердная любовь — ткань реальности. Событие встречи поражает меня, притягивает и начинает приоткрывать истинное полотно жизни, структуру мира, которая есть Любовь. После этого первого замечания, еще давая объяснения любви, отец Джуссани подчеркивает, что мы обязаны признавать ее, поскольку разум признает то, что соответствует образу его потребностям, даже когда не может вывести это из опыта: «Мы находимся перед фактором, который отвечает потребностям нашего сердца, перед фактором, который скорее даже вытягивает их наружу. Это можно сравнить с человеком, который встает на цыпочки, чтобы увидеть нечто, чего он не может увидеть, вытягивает шею и все-таки не видит, но это „нечто“ все равно существует, потому что слышится его голос и это „нечто“ необъяснимо, невыводимо из того, что испытывает человек»⁶⁹.

Все в нас кричит о жажде любить и быть любимыми, эта потребность так же неистребима, как и потребность в истине, в справедливости, в счастье. Однако именно во встрече они «выходят на поверхность» и достигают немислимой осознанности. Любовь как таинственную сокровенную глубину Бога нельзя вывести из того, что человек испытывает. Мы в состоянии начать открывать ее только потому, что Он нам ее являет. Мы не могли бы познать ее, если бы Бог не желал позволить нам проникнуть

⁶⁸ Ср. Бенедикт XVI. Энциклика *Deus caritas est*, 1.

⁶⁹ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 282.

в Его сокровенные глубины. Так отец Джуссани соединяет структуру, природу нашего существа, которое молит о любви и стремится к ней, просит любить и быть любимым, с непредвиденной новизной события, которое невообразимым образом являет эту любовь нам. Мы открываем ее соответствие, но притом она необъяснима, невыводима из личного опыта, предшествующего встрече со Христом. Он также напоминает, что необходимо говорить о любви, более того, говорить непрестанно, чтобы постепенно в нас могло «зародиться» что-то, «что больше слов, больше мыслей»⁷⁰.

Отец Джуссани продвигается в описании того, «что больше слов, больше мыслей» медленно, поскольку знает: если сразу дать определение, мы решим, будто уже его знаем. Он подчеркивает этимологический смысл термина: «В греческом языке слово „charis“ значило „даром“, или „безвозмездно“, именно от него произошло христианское „caritas“ (лат.) — [милосердная] „любовь“. Поэтому любовь, *caritas* отсылает нас к наивысшей форме выражения любви». Тут он переходит к определению: «*Caritas* действует из чистой любви [исключительно из любви!]... Дано, и все: никакого добавления, никакого послесловия». Только благо, только судьба другого. А судьбу другого мы открыли для себя, когда Иисус пришел в мир (и по сей день мы встречаем Его). Только благодаря присутствию Христа рождается та же страсть, какую Он испытывает к моей судьбе и судьбе всех людей: «Отношение с его [другого человека] судьбой — это отношение с Присутствием, потому что его судьба стала человеком, который ходит по улицам, берет на руки детей, смотрит на общество плачет, глядя с вершины холма, человек, которого принимают за преступника, освобождают разбойника, а его распинают. Это любовь, чистая любовь полностью заключается в желании другому блага, и самого высшего блага его судьбы, то есть его отношения со Христом»⁷¹.

Итак, движущая сила, причина любви (без причины она не имела бы смысла), «абсолютная и исключительная причина, поддерживающая любовь, представляет собой объект этой любви, подлинный объект любви. Что значит подлинный объект любви? Это благо другого человека, его судьба, а поэтому его отношение со Христом»⁷². Когда апостол Павел в тринадцатой главе Первого послания к Коринфянам описывает

⁷⁰ L. Giussani, *Si può (veramente?!) vivere così?* Milano: BUR, 2025. P. 450.

⁷¹ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 284.

⁷² Там же. С. 284–285.

любовь с различных сторон («Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не помнит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает»⁷³), что стоит перед его глазами? Христос, потому что это любовь Христа долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не помнит зла («Отче, прости им, ибо не знают, что делают», — говорит Он, пока Его пригвождают ко кресту), не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Павел описывает любовь, воплощение которой видит во Христе, любовь, которая никогда не перестает, потому что исходит от Бога, и он нам представляет ее как обещание, исполняющееся в тех, кто позволяет Ему преобразить себя. Подражание Христу по благодати начинается осуществляться в ответ на его безмерную любовь. Старики вспомнят упражнения Братства 1987 года, на которых отец Джуссани постоянно цитировал интервью с матерью Терезой из Калькутты. На вопрос журналиста, растроганного тем, что делают сестры — миссионерки любви (монашеская конгрегация, основанная матерью Терезой. — *Примеч. перев.*), и спросившего, почему они это делают, она ответила: «Они любят Иисуса». И добавила: «Они любят Иисуса и преображают свою любовь в живое действие. Наше призвание не в том, чтобы служить самым нищим из нищих. Наше призвание — принадлежать Христу»⁷⁴.

Основатель конгрегации «малых сестер милосердия» с улицы Мартиногго [в Милане], отец Этьен Перне, писал: «Многие находят, что ваши дела чудесны, но помните, они лишь средство, а не цель вашего призвания; если вы этого не понимаете, то вы не более чем благодетельные альтруистки, и все. Не думайте, что это более позднее добавление. Нет, дочери мои, вы родились от мысли, что прежде всего вы должны быть апостолами. Недостаточно иметь рвение к тому, чтобы ухаживать за больными на дому, нужно, чтобы вы ревновали о приходе Царствия Иисуса Христа в среде рабочего класса и нищих»⁷⁵. Из убогих — в нищих.

⁷³ Ср. *1 Кор.* 13:4–8.

⁷⁴ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. Milano: Bur, 2018. P. 237.

⁷⁵ Cfr. Padre Étienne Pernet. *Instructions de notre vénéré père*. 8. 13 novembre 1890. *Pro manuscripto*. P. 373.

Так мы понимаем, что заповедей любви не две. Есть всего одна заповедь, заключающая в себе обещание, а не обязывание («ты должен... ты должен»): безусловная и всеобъемлющая любовь к Богу позволяет «излиться» из Него в нас любви к ближнему, любви к судьбе другого человека как закону жизни.

Взволнованный дар себя

Вернемся к книге «Можно ли жить так?». Рассказав, чуть ли не исторически, опытным образом, об откровении любви как закона жизни, отец Джуссани начинает определять ее не как общее, а как христианское понятие. Нечто подобное сделал Бенедикт XVI чуть меньше года спустя после смерти отца Джуссани в уже упомянутой энциклике «*Deus caritas est*», описав самобытность христианской агапэ в сравнении с формами человеческой любви. Отец Джуссани раскрывает эту самобытность так, как она явилась во Христе. Первое слово, выражающее ее, — «дар», чистый дар себя. Он говорит: «Тайна появляется в жизни человека как бескорыстие, то есть как любовь. Более того, можно сказать, как сказал святой Иоанн: сама природа Бога — это любовь. <...> ...*Deus caritas est*... <...> Природа Бога проявляется как бескорыстие, поскольку дается человеку. Дар — это первое слово, в котором закрепляется понятие бескорыстия, или любви. Это чистый дар, мы сказали: без возврата. Без возврата — значит, это чистый дар. Природа Бога — давать, она проявляется в жизни человека как дар, без возврата, чистый дар»⁷⁶.

Он являет Себя как любовь, то есть открывает нам Свои сокровенные глубины: все в Боге — любовь. А если Его бытие — любовь, прежде всего Он дает нам бытие. Не могу это сказать кроме как словами отца Джуссани: «Бог отдает Себя, отдает Самого Себя человеку. Что такое Бог? Источник бытия. Бог дает человеку бытие: дает ему быть; дает ему быть больше, то есть расти; Он дает ему быть полностью самим собой, расти до свершения [вот великий долг жизни — достичь собственного свершения], то есть дает человеку быть счастливым»⁷⁷.

Он добавляет один «нюанс»: «Христос дает [нам] больше того, что нужно было для нашего спасения»⁷⁸, чтобы мы могли исполнить жизнен-

⁷⁶ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 285–286.

⁷⁷ Там же. С. 286–287.

⁷⁸ Там же. С. 287.

ный долг и достичь собственного свершения. Он дает нам Самого Себя, а это куда больше того, что необходимо, чтобы мы жили. Гораздо больше.

В моей епархии Сан-Миниато есть великолепный санктуарий Святейшего Креста, внутри весь украшенный фресками художника XVIII века Антонио Доменико Бамберини на тему Страстей Христовых. Цикл открывается сценой Рождества, под которой фраза на латыни гласит: «Initium crucifixionis Iesu: quot enim paleæ, tot tenerrimæ eius carni diræ cruces» — «Начало распятия Иисуса: сколько соломинок кололо Его нежную плоть, столько будет и страшных крестов». Вторая сцена представляет обрезание Иисуса по прошествии восьми дней с Его рождения. Под фреской написано: «Pretiosus iste sanguis humanæ redemptioni satis sed non redemptoris amogî» — «Этой драгоценной крови было бы достаточно для искупления человек, но не для [выражения] любви Искупителя». В безвозмездной любви Христовой превышает должное; эта совершенная безвозмездность настолько переливается через край, что исполняет нас изумления и благодарности: «Он сделал больше, чем было необходимо, чтобы спасти нас. Чтобы спасти нас, Он мог бы просто сказать: „Отец, прости их“, — этого было бы достаточно. Возлегая на тайной вечере, Он мог бы сказать: „Отец, прости их“. Было бы достаточно и того, что Он сказал: „Да, Отче, пошли Меня“, — и вошел во чрево Марии, став ребенком, став человеком. Этого было бы достаточно. Но нет: „Где умножился грех, стала преизобилывать благодать“!»⁷⁹

Чем больше мы вглядываемся в любовь Христову, настолько превосходящую необходимое, тем острее, насущнее ощущается в нас любовь как ответ, который выражается прежде всего в болезненном осознании нашей неблагодарности. Боль от неспособности ответить на такую бесконечную любовь — уже начало любви в нас, поскольку даже наша неблагодарность обнята и искуплена в преизобилующей любви Христовой, многократно, бесконечно превосходящей необходимое.

Сказав о даре себя отец Джуссани вводит эпитет: «взволнованный». Дар себя выражает взволнованность Христа. *Взволнованный дар себя*. Он «прощает предательство человека, его непризнание, его рассеянность»⁸⁰, нашу рассеянность, наше предательство. Отец Джуссани цитирует отрывок из пророка Иеремии, обобщенно описывающий взволнованный

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 288.

взгляд Бога на нашу ничтожность и содержащий фразу, которая стала темой духовных упражнений 2016 года⁸¹, прочитанных отцом Хулианом Карроном: «„Любовью вечною Я возлюбил тебя, и поэтому притянул тебя к Себе [сделал тебя частью Своей природы], сжалившись над твоим ничтожеством“, — я всегда переводил этот стих таким образом. Что значит „сжалившись над твоим ничтожеством“? О чем здесь говорится? О чувстве, именно о чувстве! О ценности, которая есть чувство. Потому что привязанность — это чувство; „быть привязанным к кому-либо“ — это чувство, а также ценность»⁸².

Взволнованность Иисуса в евангельских рассказах

С Иисусом в мир вошло совершенное бескорыстие. Он дарует нам Себя из безмерной жалости и взволнованности. Я хотел бы сейчас вспомнить некоторые моменты из Евангелия, чтобы как раз взглянуть в бескорыстие и взволнованность Христа и Его любви к нам, как о ней рассказывал отец Джуссани, как он учил и учит нас смотреть, а значит, и давать Христу пространство в нас.

Отец Джуссани пишет: «Прекрасно открывать эту жалость в Евангелии („сжалившись над твоим ничтожеством“). Например, когда (это сказано два раза) вечером Он видит Свой город с холма и плачет над Своим городом, думая о его разрушении. Этот город через несколько недель убьет Его, но Ему это не важно. Или в другой вечер, (непосредственно перед тем, как Он был схвачен, в сиянии золотого храма, освещенного заходящим солнцем, *edákruse*, говорит греческий текст, Он рыдал о судьбе Своего города. Жалость, похожая на жалость матери, которая хватается за сына, стремясь удержать его от смертельной опасности, на которую тот идет»⁸³.

В Евангелии все исцеления, все чудеса, все притчи, начиная с брака в Кане и заканчивая воскресением Лазаря, свидетельствуют об этом совершенном бескорыстии, о мере без всякой меры, которые выражаются словом «взволнованность». Например: «К Нему привели женщину, схваченную с поличным в момент прелюбодеяния; Его спрашивают, следует ли по закону Моисееву побить ее камнями. Он не прерывает спрашива-

⁸¹ Х. Каррон. «Любовью вечною Я возлюбил тебя, сжалившись над твоим ничтожеством». Упражнения Братства «Общения и освобождения», 2016.

⁸² Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 289.

⁸³ Там же. С. 289.

ющих, глядя на них проникающим во все глубины человеческого сердца взглядом, так что все в этом сердце разоблачалось, потом наклоняется и начинает писать перстом на песке, словно говоря: „Ваши слова написаны на песке“. Обвинители думают, что Он у них в руках и настаивают на ответе. Он встает и говорит: „Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень“. Можем представить себе, какое напряженное молчание наступило после этих слов. Все медленно поворачиваются и уходят, тогда как Иисус по-прежнему, склонившись, пишет Свои символические знаки на земле, а потрясенная женщина остается перед Ним одна. Он спрашивает ее: „Никто не осудил тебя?“, и она отвечает: „Никто“. Тогда Иисус говорит ей: „И Я не осуждаю тебя, иди и впредь не греши“»⁸⁴.

Меня поражает, как отец Джуссани возвращается к этому евангельскому рассказу в разговоре, приведенном в одной из его книг («L'attrattiva Gesù»): «Если женщину уличали в прелюбодеянии, ее побивали камнями. Тут ничего нельзя было поделывать, таков был закон Моисея: ее побивали камнями. Подумайте о той женщине из Евангелия, в каком душевном состоянии она, должно быть, пребывала. И вот Человек, склонившийся перед ней и пишущий на земле знаки, поднимает голову и говорит: „Да, закон Моисеев таков, как говорите вы: ее нужно убить, так и убейте ее, и пусть начнет бросать камни тот из вас, на ком нет греха“. Тут, вероятно, наступило общее оцепенение, поскольку подобное прочтение вещей, подобное определение долга, подобный способ прояснять понятия нам совершенно неведомы. Это немного сродни величайшим моментам в музыке: нет никакой причины, по которой они могли появиться»⁸⁵.

В книге «Можно ли жить так?» отец Джуссани описывает смерть Лазаря и отмечает, что Иисус заплакал, тем самым явив глубокие отношения, связывавшие его с другом: «Когда Он узнал, что Его друг Лазарь мертв: Он заплакал, было еще три дня пути, и предстояло проделать долгий путь. Как только Он узнал об этом, Он прослезился. И иудеи, которые находились с Ним рядом, скажут потом: „Почему Он, исцеливший слепого от рождения человека, не мог воспрепятствовать смерти своего друга?“ Подумайте, какая связь, какая привязанность!»⁸⁶

Мы ощущаем в милосердии Христовом столь сильное соответствие, что оно пробуждает желание такой любви, даже если мы уже отшатнулись

⁸⁴ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. С. 67–68.

⁸⁵ L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Milano: BUR, 2025. P. 67.

⁸⁶ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 290.

от нее, как от чего-то невозможного, как от иллюзии. Какая безграничная нежность. Вспомним рассказ отца Джуссани об эпизоде с Закхеем: «Был в одном селении, в большом городе, о котором и сейчас говорят, — в Иерихоне — главарь мафии. Как я сказал, он был главарем мафии, начальником сборщиков податей, продавшимся римлянам. Он услышал, что Иисус был в городе, так как все в тех краях говорили об этом. Он прошел перед толпой и взобрался на смоковницу, дерево не очень высокое, чтобы увидеть, как Тот пройдет, потому что он был слишком мал ростом. Толпа приближается, Иисус говорит, Иисус идет мимо, Он напротив него, Он останавливается: „Закхей, Я уважаю тебя и иду к тебе домой. Спускайся, потому что Я иду к тебе домой“. Я не знаю, чем Закхей занимался в жизни после, он мог совершить что-то и похуже прежнего, но в его жизни то, что находилось посреди его души, вокруг чего сжималось его сердце в надежде и в страдании, в покаянии и в искуплении, было воспоминание о том мгновении, мгновении, когда тот Человек посмотрел на него и сказал: „Закхей“. Задумывались ли мы, что с каждым из нас происходит то же самое, а мы настолько рассеяны, что даже не замечаем?»⁸⁷

Так Иисус посмотрел на Закхея, посмотрел на Марию Магдалину, посмотрел на слепорожденного, на расслабленного, на наинскую вдову. В 2002 году, выступая по видеосвязи на упражнениях Братства, отец Джуссани говорил:

[показ видео]

В тот вечер Иисуса задержали, остановили на пути в селение, в которое Он направлялся, в которое шел: женщина громко рыдала, крича от боли так, что сердца всех, кто был рядом, содрогались, но прежде всего содрогнулось, сотряслось сердце Христа. „Женщина, не плачь!“ Он никогда ее прежде не видел, не встречал. „Женщина, не плачь!“ Какую поддержку могла найти она, та женщина, что слушала слова Иисуса, обращенные к ней? „Женщина, не плачь!“ Когда возвращаешься домой, когда едешь на трамвае, когда садишься в поезд, когда видишь вереницу машин на дороге, когда думаешь обо всем, что влияет на жизнь миллионов и миллионов людей, сотен миллионов людей... Насколько важен взгляд, каким ребенок или „взрослый“ взрослый, смотрят на того Человека, возглавлявшего не-

⁸⁷ L. Giussani. *Come si diventa cristiani*. Genova-Milano Marietti 1820, 2007. P. 26.

большую группу друзей и никогда не видевшего ту женщину, но остановившегося, когда звук, отголосок плача достиг Его! „Женщина, не плачь!“ Словно никто не знал ее, словно никто не узнал ее сильнее, полнее, решительнее, чем Он! „Женщина, не плачь!“ Когда мы видим... все движение мира, в реке которого, в потоках которого все люди входят в жизнь и осознают жизнь, неизвестность конца есть не что иное, как неизвестность того, каким образом была достигнута эта новизна, позволяющая найти Человека, встретить незнакомого Человека, Который перед болью женщины, увиденной впервые, говорит ей: „Женщина, не плачь! Женщина, не плачь!“ „Женщина, не плачь!“ С таким сердцем мы призваны встретить взгляд и грусть, боль всех людей, с которыми вступаем в отношения по дороге или в путешествии, в наших путешествиях. „Женщина, не плачь!“ Как же невообразимо, что, глядя на человека и слушая его, Бог „Бог“, Тот, Кто творит в этот момент весь мир, может сказать: „Не плачь, человек! Не плачь! Не плачь, ведь не для смерти, а для жизни Я создал тебя и поместил в мир, поместил в великую компанию людей!“ Мужчины, женщины, парень, девушка, ты, вы, не плачьте! Не плачьте! Есть взгляд и сердце, проникающие вас насквозь и любящие вас вплоть до вашей судьбы; взгляд и сердце, от которых никто не в состоянии уклониться, которые никто не заставит замолчать о том, что они думают или что чувствуют, которых никто не сможет лишить силы!»⁸⁸

Милосердная любовь Бога, Иисуса, безграничная любовь к человеку такова: она исполнена взволнованности, она «трепетный дар себя самого, дар, находящийся в движении, проявляющийся как эмоция, в реальной взволнованности: Он взволнован»⁸⁹.

Вот еще один евангельский отрывок с комментарием отца Джуссани: «Когда Его должны были схватить... в Иерусалиме, в Пасхальное время, в храме, была группа язычников, которые пришли из любопытства. „Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые Еллины. Она подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской... и просили его, говоря: господин!.. нам хочется видеть Иисуса... Филипп идет и говорит о том Андрею [который тоже не знал, что делать]; и потом Андрей и Филипп говорят о том Иисусу. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Че-

⁸⁸ Л. Джуссани. *Отдать жизнь ради дела Другого*. Эл. изд., 2023. С. 109. <https://ru.clonline.org/books/the-works-of-luigi-giussani/otdat-zhizn-radi-dela-drugogo>.

⁸⁹ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 290–291.

ловеческому [в первый раз те, ради которых Он пришел, то есть мир, языческая реальность мира, не только круг иудеев, желали увидеть Его]. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода [нужно умирать за судьбу человека, ради блага человека]. Любящий душу свою погубит ее [тот, кто привязан к себе самому, теряет себя]; а ненавидящий душу свою в мире сем [то есть тот, кто использует свою жизнь как дар: ненавидит это еврейское понятие, которое для нас отличается от еврейского] сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почитит Отец Мой. Душа Моя теперь [в этот час] возмутилась [Моя человеческая душа возмущена, страшится; Он знал, что будет схвачен]; и что Мне сказать? Отче! Избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел [но если Я пришел, чтобы умереть! Душа Моя теперь возмутилась, но что Мне сказать? Если я пришел, чтобы умереть!]⁹⁰. Вот она суть: Бог был взволнован нашим ничтожеством. И не только: Бог был взволнован нашим предательством, нашей убогой бедностью, забывающей и предающей, нашей мелочностью. Бог был взволнован нашей мелочностью, что еще больше, чем быть взволнованным нашим ничтожеством. „Я сжалился над твоим ничтожеством, я сжалился над твоей ненавистью ко Мне. Я взволнован, потому что ты ненавидишь Меня“, как отец и мать плачут от взволнованности, вызванной ненавистью их сына»⁹⁰.

У нас перед глазами — картины Дуччо, которые мы видели на экранах, входя в зал. В сцене, где Иисуса приводят к первосвященникам, присутствует и Петр, которому три раза люди говорят: «И ты тоже...» На заднем плане можно разглядеть петуха, который три раза пропоет о его предательстве. Для Петра главным моментом станет утро на озере после воскресения: «И вот они возлегли на землю, сели на землю и ели. Иисус поворачивается, а рядом с Ним — Симон, сын Ионин. Он не говорит ему: „Симон, предашь ли ты Меня еще? Симон, будешь ли ты еще искушать Меня, как когда Я сказал тебе: отойди от Меня, сатана? Симон, устыдишься ли ты еще Меня перед прислужницей Пилата? Симон, совершишь ли ты еще все грехи, которые уже совершил, повторишь ли все беды, что натворил до сих пор?“ Он не говорит ему ничего подобного. Он смотрит на него и говорит: „Симон, любишь ли ты Меня?“ — „Господи, Ты все знаешь, — отвечает на третий раз Симон, — Ты знаешь, что я люблю Тебя“. Этот ответ свидетельствует о признании принад-

⁹⁰ Там же. С. 291–292.

лежности: „Господи, я принадлежу Тебе. Да, Господи, я принадлежу Тебе, я Твой, я Твой; я, грешник, могу сказать: я Твой, и я грешник, никакой грех не устоит, я Твой“⁹¹.

Петр «был как ребенок перед Ним», комментирует отец Джуссани в одной из своих книг («L'attrattiva Gesù»). Он был как ребенок перед безбрежной любовью: «Соверши он хоть сотню убийств, святой Петр мог ответить только да в эти три года, с сотней убийств он мог горько плакать сто три раза, но мог ответить только да»⁹². «Чрезмерная» любовь Христова — великая взволнованность, срывающая броню, как это случилось с Петром: «Почему Бог посвящает Себя мне? Почему Он дарит Себя мне, создавая меня, давая мне бытие, то есть Себя Самого (Себя Самого, то есть бытие)? И почему, кроме всего этого, Он становится человеком и дает Себя мне, чтобы снова сделать меня невинным... и умирает за меня (а это вовсе не было необходимо: было достаточно щелкнуть пальцами, и Отец обязательно сделал бы то, что нужно)? Почему Он умирает за меня? Почему Он совершает этот дар Себя Самого, который находится по ту сторону мыслимого и немислимого?»⁹³

Господь взволнован нашей ничтожностью не из сентиментальности, но в силу суждения, заключенного в этой взволнованности: «Эта взволнованность и эта эмоция пробуждают, несут, несут с собой суждение и трепет сердца. Это суждение, а поэтому ценность, назовем ее рациональной ценностью. Рациональной не потому, что она может быть приведена и сведена к горизонту чистой способности нашего разума, но потому, что дает причину, несет в себе свою причину»⁹⁴.

Суждение это подобно суждению отца или матери, которые желают, чтобы их сын спасся. Это пламенное желание спасения, судьбы другого: «Трепет сердца [Иисуса] — это жалость к твоему ничтожеству, а причина — твое участие в бытии»⁹⁵.

Подведем итог нашим размышлениям словами отца Джуссани: «Мы дали определение любви и описали два основных фактора, составляющих ее. Это дар себя самого (посвящение, дар себя самого) до смерти: смерть Христа раскрывает, открывает нам всецельность посвящения, через кото-

⁹¹ L. Giussani. *Come si diventa cristiani*. P. 34.

⁹² L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. P. 65–66.

⁹³ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 288–289.

⁹⁴ Там же. С. 293–294.

⁹⁵ Ср. Там же. С. 294.

рую Тайна Бога посвящает Себя нашему спасению. Это взволнованность, которая делает неожиданно человеческим, неожиданно и немислимо человеческим и, даже если и немислимым образом, заставляет чувствовать непосредственно человеческим тот дар Себя Самого, который совершает Тайна, который реализует Христос»⁹⁶.

Хочу сделать одно замечание: «Бог, Который взволнован!»⁹⁷ Восьмой псалом задает Богу великий вопрос: «Когда взираю я на небеса Твои дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?»⁹⁸ Можно ли жить по-человечески, не ощущая каждый день неотложность для нас этого вопроса к Тайне? Почему Ты посещаешь меня, заботишься обо мне? Заботишься о нас? Заметить, что Кто-то пожелал тебя и любит тебя. Почему? Иисус явил нам сокровенные глубины Бога.

В Боге всё любовь, общение, бесконечная компания, в которой каждое из Божественных Лиц существует для Другого и предает Себя Другому: Бытие в тайне Троицы совпадает с «бытием для», с полным и верным даром Себя, с отданием жизни, то есть с созиданием (Отец), с принесением Себя в жертву (Сын), а также с оживлением, животворением (Дух Святой). Из этой Любви проистекает мир и каждый человек — как совершенный дар, самый безвозмездный аспект которого в том, что мы созданы свободными! Бог испытывает жалость к нам, потому что мы ненавидим Его, говорил отец Джуссани. Любовь верная себе и верная судьбе каждого человека была явлена, когда Иисус Христос отдал Себя Самого ради нашего спасения, ради меня и тебя.

Нравственность — подражание Богу в любви

Важный момент касается того, как эта преизобильная любовь отражается в нас. Любовь, чистый дар, сокровенные глубины Бога, явленные во Христе («сладостное сообщение Себя, Он дает всему бытие с взволнованностью»⁹⁹) подталкивает нас к желанию действовать, как Он, признавая в Иисусе Христе истинный образ человека, к которому мы стремимся. В Нем исполняется великий долг: быть самим собой. Святой Иоанн пи-

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 291.

⁹⁸ Пс. 8:4–5.

⁹⁹ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 295.

шет: «Если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. <...> Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас»¹⁰⁰.

Следовательно, нравственное действие заключается в стремлении подражать Христу, следовать за Ним, отождествлять себя с Его всецелым даром: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш»¹⁰¹. Кто способен на такое? Как наставление, говорит отец Джуссани, эта фраза безрассудна, но она проясняется, когда в Евангелии от Луки Иисус говорит: «Будьте милосерды, как милосерд и Отец ваш Небесный»¹⁰². Совершенство, к которому мы призваны, есть милосердие, подражание Иисусу во взволнованности «перед нуждой человека: нуждой счастья, бытия; счастья, то есть судьбы; бытия, судьбы, счастья»¹⁰³.

Апостол Павел пишет: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»¹⁰⁴.

В книге «Можно ли жить так?» отец Джуссани спрашивает: «Но в чем тогда есть польза? Что это за нравственность, согласно которой даже отдать свое тело на сожжение за идеал становится бесполезным, быть Эйнштейном или Ганди не ведет ни к чему? Что такое эта любовь, без которой мы ничто? Дело в том, что первым объектом любви человека является Иисус Христос»¹⁰⁵.

Через любовь ко Христу в нас может прижиться Его бескорыстие, Его взволнованная любовь к моей судьбе и судьбе каждого человека, тот факт, что Он склоняется к нашей нужде ради нашего спасения. «Любить Христа и в Нем, то есть по Его образу, любить своих братьев; посвящение себя (дар себя самого) и взволнованность за других, за другого человека. Иными словами, это „я“, которое утверждает „ты“, это „я“, которое исчерпывается исключительно в утверждении „ты“, „я“, которое умирает за

¹⁰⁰ 1 Ин. 4:11–12.

¹⁰¹ Мф. 5:48.

¹⁰² Ср. Лк. 6:36.

¹⁰³ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 296.

¹⁰⁴ 1 Кор. 13:1–3.

¹⁰⁵ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 297.

„ты“. Драма разрешена»¹⁰⁶. Разрешена ли драма? Возможно, драма только начинается, но становятся четкими ее берега. И представлять любовь как какие-то добрые дела — слишком мало в такой бескрайней перспективе.

А. Закон моего «я» — любовь

Милосердная любовь, которую открывает нам Христос, дар себя, исполненный взволнованности, является, как мы видели, законом «я», «...динамизмом, присущим „я“, который непосредственно происходит из динамизма Бога, это любовь, то есть дар себя самого другому, происходящий от взволнованности»¹⁰⁷. Текст «Можно ли жить так?» поясняет, что этот дар себя, если он подобен дару Христа, может быть лишь «до конца», без установленных пределов. Это всеобъемлющий порыв. Вспомним строки Пегги: «Мне нравится, что они отдают себя... Мне нравится, наконец, говорит Бог, что они любят не только свободно, но бескорыстно. <...> Они дают ни за что. Иначе разве было бы это их даром? Они любят ни за что. Иначе разве было бы это любовью?»¹⁰⁸

Любовь эта не абстрактна, она предполагает, что ты конкретным образом действуешь ради другого, действуешь, чтобы поддержать другого в нужде. Любовь ко Христу, желание отвечать Ему, превращается во внимание к каждому человеку из любви к судьбе каждого, которая есть Христос; тут нет разделения (подумайте о добром самарянине: «Кто мой ближний?»¹⁰⁹).

Итак, это любовь до конца, она всеобъемлюща и предполагает конкретное действие, которое не исчерпывается непосредственным ответом на нужду, потому что ты движешься, чтобы другой мог быть, ради полного спасения, ради искупления другого: «Это взволнованность по отношению к конечной нужде человека, к „тому, ради чего“ рождается человек. Было бы неправильно давать жизнь, если бы судьбой не являлось счастье...»¹¹⁰ Мы много раз читали в поразительном отрывке из «Смысла каритативы»: «Это открытие того факта, что именно потому, что мы любим их [других людей], не мы можем сделать их счастливыми; и что даже самое совершенное общество, самый юридически грамотный и предусмотрительный

¹⁰⁶ Там же. С. 297.

¹⁰⁷ Ср. Там же. С. 301.

¹⁰⁸ Ch. Péguy. *I misteri*. P. 327.

¹⁰⁹ См. Лк. 10:25–37.

¹¹⁰ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 296.

орган, самое большое богатство, самое железное здоровье, самая чистая красота, самая развитая цивилизация никогда не смогут сделать их счастливыми. Их может сделать счастливыми только Другой. Кто является причиной всего? Кто все создал? Бог. Тогда Иисус перестает быть просто тем, кто возвещает мне истинное слово, кто объясняет закон моей реальности, Он уже не просто свет моего разума: я открываю, что Христос — смысл моей жизни. И прекрасно свидетельство того, кто испытал эту ценность: „Я продолжаю заниматься каритативой, потому что все мои и их страдания имеют смысл“. Когда надеешься на Христа, все имеет смысл, и смысл этот — Христос. Это я открываю, наконец, там, где я занимаюсь каритативой, именно через конечное бессилие моей любви: это опыт, в котором ум углубляется в мудрости, и в подлинной культуре»¹¹¹.

Я бы хотел сказать пару слов каритативе — великом моменте, постоянно приучающем нас к истинной любви. Это воспитательный момент, напоминающий тем, кто в нем участвует, все больше осознавать, что мы призваны делать всю — всю! — нашу жизнь приношением в милосердной любви. Если человек воспринимает каритативу только как два часа в месяц, когда мы что-то даем другим, чтобы чувствовать себя в порядке «в плане любви», ему, пожалуй, стоит начать смотреть на нее по-новому. Многие не участвуют в каритативе, и это наталкивает на мысль о том, что они не чувствуют необходимости в воспитании любви, тогда как подражание Христу — путь всей жизни, а простое следование каритативе преодолевает нашу черствость.

Несколько лет назад я говорил с Ингрид из Гватемалы; она тогда была единственным человеком из Движения в этой центральноамериканской стране. Ингрид сказала мне: «Я бы хотела начать каритативу», — а я, идиот, ответил: «Прекрасно, как здорово!» Тогда она в умной простоте возразила: «Нет, ты не понял. Я хочу начать каритативу, не воображая, как это осуществить, а следуя за тем, как Движение предлагает каритативу». Удивительно! Когда в наших общинах говорят: «У меня каритатива дома, с детьми... а я навещаю мою бабушку», — путая каритативу с жестами любви (пусть и правильными), возможно нам не до конца ясно ее воспитательное измерение. Мы призваны бескорыстно отдавать всю жизнь, а не пару часов ради судьбы другого, и мы призваны делать это из любви ко Христу. Каритатива, форму которой определяю не я, которую не я при-

¹¹¹ [L. Giussani]. *Il senso della caritativa*. P. 10–11.

думываю, а которую предлагает мне Движение, указывая на конкретный способ участвовать в ней, — это то воспитание, в каком мы все время нуждаемся. То же самое касается школы общины и общего фонда.

Подведем итог: «Человек существует, чтобы утверждать Другого, то есть Бога. Это истина, которая наполняет сердце взволнованностью и заставляет действовать. Истинная любовь, то есть истинная реализация закона человека, являющаяся целью жизни, заключается в том, чтобы утверждать Бытие, утверждать Другого, „утверждать Тебя, Боже“. Также и посвящение себя брату, посвящение себя другому человеку, существование ради другого, действие ради другого, взволнованность за другого — это истинная любовь, потому что она желает, чтобы другой человек узнал истину и полно жил истиной своего бытия. То есть, истинная любовь — это смотреть на человека и обращаться с ним согласно желанию осуществления, исполнения его судьбы. Без любви к судьбе нет любви, без любви к судьбе другого человека нет любви к нему»¹¹².

Б. Любовь — форма свидетельства

В следовании за Иисусом в нас утверждается новое мышление и иной образ жизни. Ясно, что мы не в состоянии в полной мере подражать Христу, но даже наша боль от ошибок — шаг на пути отождествления с Ним: «Применение закона любви, это высшее подражание Богу рано или поздно определяет иной образ жизни. Этот иной образ жизни не означает непогрешимость: мы можем ошибаться тысячи раз, но наша жизнь отличается. Это проявляется прежде всего в том, что из-за ошибок и забывчивости мы испытываем боль. Во всем, что мы делаем, мы несем искру изменения, в котором боль из-за плохо реализованной любви представляет самый яркий, острый пример, которого нет ни у кого в мире. Кроме тех, кто сознает, что принес Иисус и принесли в мир апостолы, никто не знает этой боли»¹¹³.

Отец Джуссани перечисляет некоторые аспекты этого нового способа отношений, инаковости жизни, которые начинают воплощаться в нас: «Первое. *Утверждение другого, потому что он есть и как он есть.* Утверждение не из-за нашего расчета, не из-за выгоды; не так, каким бы мы его хотели. <...> Второе. *Разделение с человеком его нужд.* Именно

¹¹² Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 304–305.

¹¹³ Ср. Там же. С. 306.

нужда подталкивает человека к его судьбе, заставляет его понять, что чего-то ему не хватает. Разделять нужду — значит неожиданно для себя замечать, что ты являешься любящим присутствием, которому важна судьба другого человека, как своя собственная судьба. Третье. *Прощение*, способность к прощению, что означает снова давать пространство и свободу другому человеку в нас самих. Когда тебя кто-то обижает, ты не впускаешь его больше к себе. Прощать — значит снова позволять ему войти; ты даешь ему пространство и свободу. Четвертое. *Привязанность к другому*, привязанность к человеку: и как почитание (уважение), и как верность (продолжение уважения)¹¹⁴.

Далее отец Джуссани отмечает два изменения характерных для новой твари, позволяющие нам говорить вслед за апостолом Павлом: «Уже не я живу, но Ты живешь во мне»¹¹⁵. «Прежде всего, происходит *изменение менталитета*. Человек, живущий так, заходя в трамвай, на своем рабочем месте в офисе, с преподавательской кафедры или на месте отца или матери являет отличный от других менталитет. <...> Главный плод этого изменения менталитета (каков нормальный менталитет людей? — зарабатывать, откладывать, пользоваться, нравиться, добиваться), вершина этого изменения — это *приношение своей жизни*; если любовь — это закон изменения, то вершина — это *приношение жизни*»¹¹⁶.

Вспоминается «Извещение Марии», предложенное в апреле в качестве «книги месяца». Это произведение Поля Клоделя, о котором отец Джуссани говорит, что «наше Движение родилось на этом тексте»¹¹⁷, — трогательное свидетельство жизни, целиком и полностью воспринимаемой как взволнованный дар себя, как пламенная любовь к человеку в пламенной любви ко Христу. На его страницах содержится всеобъемлющий идеал: «Их тема — любовь, то есть восприятие собственного бытия на службе у всеобщего замысла. У замысла есть имя, это Человек, Христос, Которому нужно служить: через обжигающую боль, удивительный порыв великодушия, обыденность повседневного послушания. Альтернатива этому — убогость»¹¹⁸.

¹¹⁴ Там же. С. 306–307.

¹¹⁵ Ср. Гал. 2:20.

¹¹⁶ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 307.

¹¹⁷ Ср. Л. Джуссани. *Любовь как рождение человечности* // П. Клодель. *Извещение Марии*. Серияте: Христианская Россия, 1999. С. 22.

¹¹⁸ *Ibidem*. Р. 110.

Послушаем знаменитые пронзительные слова, которые произносит Анн Веркор в последнем действии: «Разве назначение жизни — жить? разве ноги детей Божиих прибиты к этой убогой земле? Не жить, но умереть! и не только вытесать крест, но взойти на него и отдать все, что у нас есть, — отдать улыбаясь! В этом радость, в этом свобода, в этом благодать, в этом бессмертная юность! <...> Чего стоит весь мир в сравнении с жизнью? И чего стоит жизнь, если ее... не отдать? И зачем мучиться, когда так просто быть послушным?»¹¹⁹

Пусть в послушном следовании, в позволении Христу преобразать нас, в нищей и верной любви к нашей истории становится все более нашим (в начатках так уже и есть) опыт этой радости, этой свободы, этой благодати, этой вечной юности.

¹¹⁹ П. Клодель. *Извещение Марии*. С. 175.

Суббота, 12 апреля, день

Антонин Дворжак

Фортепианный квинтет № 2 ля мажор, op. 81

Фортепиано — Святослав Рихтер. Квартет им. Бородина

«*Spirito Gentil*», n. 39 (Decca) Universal

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Джованни Паккози

«Мы любим недолговечное только во имя долговечного»¹²⁰. Жертва и целомудрие

«Слиться» с Ним

«Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоуханную Богу, для разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная»¹²¹.

Начну с этих слов из Послания к Римлянам. Много раз мы слышали их от отца Джуссани и приняли их, видя, как они воплощаются в нем. В нем и в тех, кто привлек нас и привел в Движение, мы увидели людей с другим лицом, с другим жизненным критерием (и лицо — самое внешнее его выражение), с новым самосознанием (как часто с нами такое случилось!), и мы поняли, что отправной точкой их мыслей и действий были благодарность Тайне и уподобление Христу.

Вспомним письма, которые тогда еще совсем молодой отец Джуссани писал своему другу Анджело Майо. Прочитаю несколько отрывков: «Вся наша деятельность и радость, счастье, работа, тревога нашей жизни должны быть не чем иным, как пылким усилием понимать, чувствовать,

¹²⁰ L. Giussani. *L'incontro che accende la speranza*. P. 42.

¹²¹ Рим. 12:1–2.

желать все больше личного отношения с бесконечной Любовью. Наша меланхолия связана с невозможностью видеть, чувствовать, осязать ее»¹²².

Желание полностью принадлежать, уподобиться вплоть до креста — из любви: «Он пропитал меня этим сладчайшим убеждением: чтобы любить, мы должны стать похожими, идентичными: Он на кресте: высший идеал нашей жизни и стремление, мания взойти на него, чтобы иметь возможность „слиться с Ним“. Это самая безмятежная радость жизни, величайший рыцарский поступок по отношению к Тому, Кто есть Бесконечная и единственная личная Любовь: „Иисусе, моя надежда, дай мне утонуть в любви“, — взывал Якопоне»¹²³.

И еще: «Я только чувствую (и моя преданность самым близким друзьям — опытный символ этого), что суть жизни, устремлений, счастья — это любовь. Бесконечная, огромная любовь, склонившаяся над моим ничтожеством, сделавшая из него человека: телесно — прах, но безграничного в той открытости, жаждущей истины и любви, которая есть ум и сердце. Бесконечная, безмерная любовь совершила нечто абсурдное, сделав меня, тварь, конечный прах, бесконечным, как Он: *similes ei erimus*. <...> Личный друг Бесконечного. Ты прах, но ты же и море»¹²⁴.

Для того, чтобы наш возлюбленный прах стал морем, бесконечным, как Он, в любви, есть одно условие. Условие любви — жертва. Плод новой жизни — целомудрие.

Проследим за весьма оригинальной и удивительной архитектурой трех богословских добродетелей, как выстраивает ее отец Джуссани в книге «Можно ли жить так?»: добродетель, ее условие, ее плод в жизни. *Вера*, свобода, послушание; *надежда*, нищета, доверие; *любовь*, жертва, целомудрие. «Уже не я живу, но живет во мне Христос»¹²⁵. Вся жизнь отдана любви Отца. Как мы слышали в письме к Анджело Майо: «Личный друг Бесконечного. Ты прах, но ты же и море».

А. Жертва и приношение

Итак, условием любви является жертва. Что это значит? В нашей повседневной жизни мы идем на многие жертвы, малые и великие, жертвы, про-

¹²² L. Giussani. *Lettere di fede e di amicizia ad Angelo Majo*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2007. P. 29.

¹²³ *Ibidem*. P. 28.

¹²⁴ *Ibidem*. P. 51–52.

¹²⁵ *Гал.* 2:20.

диктованные обстоятельствами. Например, время, проведенное в пробке, — жертва. Когда я жил в Лиме, вы даже представить себе не можете, какой жертвой были поездки с одного конца города на другой. Друзья, живущие в огромных городах Латинской Америки и в мире, поймут меня. Пробки в Милане и Риме не идут ни в какое сравнение с траффиком там: долгие часы ожидания и хаос! Иногда почти отпадало всякое желание вообще перемещаться, даже ради встреч с Движением или близкими. Порой я жаловался на эту и на другие жертвы, но потом смотрел на автобусы, переполненные людьми, которые проделывали это бесконечное путешествие, возвращаясь поздно вечером после девяти-десяти часов работы, чтобы кормить семью. И тогда я говорил себе: «Молчи, ты по сравнению с ними не делаешь ничего, и, кроме того, то, что ты делаешь, ты делаешь ради Иисуса и притом жалуешься!» Для меня это был и есть важный воспитательный момент, помогающий понять, что повседневные тяготы могут стать жертвой, принесенной идеалу, Христу. Многие из вас переживают такой опыт каждодневно! Прочитую моего друга и прихожанина из Лимы, который выходил из дома в пять утра и шел изготавливать кирпичи, возвращался в восемь вечера, после по крайней мере двух часов в полном до отказа автобусе (два часа туда и два обратно). Несмотря на это, он почти каждый вечер был в приходе (и к тому же возглавлял Движение), чтобы отдавать себя другим с радостью на лице. Его зовут Педро Юпанки, и для меня он по сей день, хотя нас и разделяют время и пространство, остается великим знаком. Когда я хочу посетовать на жертвы, которые я должен приносить, я вспоминаю о нем, о том, с какой радостью он отдает все ради Христа и людей, и у меня пропадает желание жаловаться!

Отец Джуссани не превозносит жертву как таковую. Более того, он подчеркивает, что жертва вызывает отторжение, представляется несправедливой, это наименее человеческая тема. И все же к ней все стекается, это «точка, в которой сливаются воды, в которой все сливается, это точка стечения всего, всего... Без этого нет ни веры, ни надежды, ни любви; нет ничего прекрасного, доброго, справедливого, без жертвы нет ничего»¹²⁶.

Жертва сама по себе противоречит нашей природе, ведь мы созданы ради счастья, и потому она в некотором смысле непонятна и невыносима, как невыносима несправедливость. Было бы легко остановиться здесь и сказать: «Нет, жертва мне не соответствует, мое сердце ее не хочет». Но

¹²⁶ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 335

все поменялось со Христом (и тут появляется возможность для жертвы обрести ценность), с тех пор как Он стал человеком, с тех пор как умер на кресте, с тех пор как «мы познали любовь», Его любовь: «С тех пор, как Тот Человек был убит, пригвожден ко кресту, с того момента, когда Он возопил: „Отче, для чего Ты оставил Меня?“ (и это самый человеческий крик отчаяния, какой когда-либо слышался на земле), а потом сказал: „Отче! прости им, ибо не знают, что творят“, а после этого возгласил: „В руки Твои предаю жизнь Мою“, именно с той поры, с той самой поры, когда Тот Человек был пригвожден ко кресту, с того самого момента слово „жертва“ стало центром не центром жизни Того Человека, а центром жизни каждого человека, и судьба каждого человека зависит от этой смерти»¹²⁷.

Слово «жертва» стало грандиозным, поскольку благодаря жертве Христовой мы поняли не только, что жертва как часть жизни неизбежна, но и, прежде всего, что она может таинственным образом иметь положительное значение. Его крестная жертва спасла мир, и именно поэтому жертва начала становиться ценностью, начала обретать смысл: со Христом, с Его смертью на кресте. Но, спрашивает сразу же отец Джуссани, как она может стать ценной для меня? «Жертва становится нравственной ценностью, то есть ценностью для человеческой жизни, когда она становится соответствием, со-ответственностью, то есть ответом на смерть Христову ради спасения своей жизни и жизни всех людей. Жертва становится принятием того, что единственный способ достижения судьбы и победы над смертью — это так же взойти на крест Христов, участвовать в смерти Христа. Со-ответственность, сознательная ответственность, сознательный ответ на смерть Христа: „Ты, Христе, умираешь за меня. Я присоединяюсь к Тебе в Твоей смерти“. Каким образом? Через те жертвы, которые Ты даешь мне совершать»¹²⁸.

Вот утверждение истинного первенства Христа и желания уподобляться Ему, «сливаться»¹²⁹ с Ним, чтобы открывать наше настоящее

¹²⁷ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 337–338.

¹²⁸ Там же. С. 339.

¹²⁹ «Я не хочу жить впустую: это моя навязчивая идея. Да и потом, чего можно желать между двумя близкими друзьями? Дружба стремится к единению, к уподоблению, к слиянию, к тому, чтобы стать одним целым, обрести тот же облик, что и у Друга: ...но Иисус на кресте... главнейшая радость нашей жизни — когда в малых или больших страданиях понимаешь: „Вот, теперь ты более похож на Него, ты больше слился с Ним“. Жизнь [отданная] ради счастья людей, ради Иисусовой дружбы» (Л. Giussani. *Lettere di fede e di amicizia ad Angelo Majo*. P. 33).

лицо, потому что в Нем исполняется жизненный долг: достижение собственной реализации. Моя жертва соединяется с жертвой Христовой, это называется *приношением*: «Таким образом и моя жертва, заключающаяся в том, чтобы вставать по утрам, терпеть моего отца, мою мать, мою жену, моего мужа, детей... тоже становится благом»¹³⁰. В таком соединении моих страданий с Христовой жертвой любви, с Его смертью и мое маленькое действие участвует в спасении мира: если я соглашаюсь на жертву из любви ко Христу, а точнее, в *любви Христа*, позволяя Его любви проникнуть в меня, она, меняя меня, делая меня в большей степени самим собой, таинственным образом влияет и на благо мира.

В этом, как мы знаем, заключается смысл индульгенций Юбилея, который мы переживаем. Любовь Христова, бесконечно превосходящая необходимое для нашего спасения (достаточно было бы щелкнуть пальцами), и заслуги, то есть добро, избыточная любовь, которую святые соединили с любовью Иисуса, принесли в жертву самих себя, — вот источник богатства, из которого мы черпаем в этот святой год.

Как согласиться со словами отца Джуссани о том, что жертва — «динамический закон жизни»? Высший закон жизни для него — любовь, самоотдача, взволнованный дар себя, он динамически осуществляется в жертве.

Прежде всего речь о признании факта, и Иисусов крест недвусмысленно подтверждает нам это. Можем ли мы сказать Богу, избравшему такой путь: «Ты ошибаешься»? Причина, по которой Иисус отдал Себя на кресте — наше положение, тяжелейшее бремя первородного греха (и наших личных грехов). Первородный грех — тайна, но без него мы ничего не в состоянии объяснить. Отец Джуссани в книге «Можно ли жить так?» не углубляется в эту тему, он на нее только указывает, в том числе и потому, что развить ее было бы сложно.

Возможно, один пример приблизит нас к пониманию. Мне вспоминаются две фрески, расположенные друг напротив друга на пилястрах при входе в капеллу Бранкаччи в церкви Санта-Мария-дель-Кармине во Флоренции. Обе изображают Адама и Еву. Первая, работы Мазолино, представляет Адама и Еву в земном раю незадолго до грехопадения (змей уже обвился вокруг дерева). Они прекрасны, совершенны, свободны, погружены в свет, который мягко озаряет все вокруг, который пронизывает

¹³⁰ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 339–340.

сцену, но словно изливается из темноты заднего плана: просвещающая Тайна, темное сияние тайны Бога. Напротив расположена фреска с изгнанием из земного рая кисти Мазаччо. Адам и Ева уходят: он низко склонил голову, она кричит, свет ослепляет, режет глаз. Их лица уже больше не такие четкие, Мазаччо пишет их широкими мазками, без деталей. Глаза Евы — две черных линии: художник словно показывает нам, как обезобразил их грех. Те, кто бывал в капелле Бранкаччи, мог заметить, что фреска с изгнанием Адама и Евы перетекает, почти как составная часть, в соседнюю фреску — знаменитое «Чудо со статиром». Не утихают споры о том, кто на последней написал лик Иисуса (тот самый, с нашего пасхального плаката 2012 года): Мазаччо или Мазолино. Я думаю, что Мазаччо (не буду сейчас объяснять почему), и только когда стоишь там, понимаешь, почему у Него такие черты. Если повернуться к противоположной стене и фреске с Адамом и Евой в земном раю до грехопадения, замечаешь, что Иисус — их Сын! Ты смотришь на них и не знаешь, на кого больше похож Иисус, на Адама или на Еву. Мне кажется, это способ сказать зрителю, что в Иисусе, и только в Нем, человеческое лицо обретает свою изначальную красоту. На фреске «Чудо со статиром» также присутствует крест. В той части, где Петр монетой, найденной во рту рыбы, отдает налог мытарю, прямо под их руками, между которыми происходит плата, находится деревянный столб, основания которого мы не видим, оно как будто расположено за пределами фрески. Думаю, это тонкий, но явный намек на то, что дань, уплаченная мытарю, — образ, знак великой и окончательной дани, выкупа, заплаченного Христом на кресте ради нашего спасения. Через крестную жертву Иисус искупает нашу человечность. И заметьте, монету отдает Петр, Церковь, в которой мы переживаем конкретный опыт Его милосердия к нам.

Перед тем как сделать следующий шаг, отец Джуссани резюмирует изложенные до сих пор мысли, чтобы помочь нам помнить о них: «Первый шаг указывает, прежде всего, на непостижимость жертвы, которая, кажется, противоречит природе. Она начинает наполняться смыслом, когда Бог умирает на кресте. И благодаря этому не просто постепенно становится понятно, что у слова «жертва» есть смысл, но мы видим, что всё, вся наша жизнь, все наши дни полны бесконечного числа жертв, малых и великих. И если человек соглашается на эти жертвы, чтобы откликаться на смерть Христа, чтобы соучаствовать в смерти Христовой ради спасения мира, он, принося жертву здесь и сейчас, возможно, сам того не зная,

помогает бедной матери в Югославии [где тогда шла война; сегодня мы могли бы сказать: в Газе, в Конго, в Украине], сын которой гибнет от взрыва гранаты: не существует ни времени, ни пространства. Для того, что находится вне времени и пространства (как ценность жертвы — Христовой или нашей), нет ни времени ни пространства, время и пространство не останавливают. Жертва, которую я сейчас совершаю из-за любви ко Христу, способна помочь одному человеку или многим, кто сейчас терпит крушение в Тонкинском заливе. Кто знает?»¹³¹ Или жертвам ужасного землетрясения в Юго-Восточной Азии. Кто знает?

Б. Жертва видимостью

Идя все дальше к сути проблемы, отец Джуссани поясняет, в чем на самом деле заключается жертва, и тут обнаруживается самый революционный аспект этих страниц книги «Можно ли жить так?». Жертва, отказ, который она предполагает, состоит в том, чтобы идти против греха, а грех всегда есть ложь. Соглашаться на жертву вместо того, чтобы избегать ее, — значит признавать существование чего-то более важного, нежели сиюминутное благополучие. Жертва — отказ от идолопоклонства, от искушения остановиться на том, что обещает нам жизненные блага, но в действительности не способно нам их дать. Жертва видимостью, тем, чтобы *захватывать*, а не *утверждать*, владеть, а не любить судьбу другого, замыкаться в мнимом и тщетном притязании на благополучие, а не отвечать на великий призыв.

Не буду возвращаться к тому, что уже говорил в пятницу, но как же поразительно осознавать, насколько легко мы отвергаем истину, лишь бы только не идти на жертвы! В статье, опубликованной в ежедневном издании «Domani» 12 января, автор, Энцо Риссо, научный директор исследовательского центра IPSOS, пишет: «Среди итальянцев растет потребность в легкости и легкомыслии, в удовольствии, в дионисийском вкусе к опьянению. Наслаждаться собой и удовлетворять похоти стремятся 72 % итальянцев, а 79 % — при любой возможности проводить время с пользой и заниматься приятными делами. Многие любят ужинать вне дома (76 %), и почти половина страны (48 %) называет частое посещение ресторана одним из факторов удовлетворенности жизнью. Большая доля людей ищет продукты, которые предлагают легкость (76 %). <...> За-

¹³¹ Ср. Там же. С. 341–342.

рождается парадигма, в которой человек, а точнее, его личная сущность, определяется через переживание удовольствия и потребление приятных моментов. Мы имеем дело не с феноменом экзистенциальной иллюзорности, а скорее с метаморфозой или, возможно, возвращением: она меняет представление человека о себе и своем месте в мире. Человека подталкивают к „онтологии удовольствия“, в которой наслаждение больше не является просто аспектом жизни, а становится ее основной целью. Стремление к счастью, которое когда-то считалось всеобъемлющим идеалом, низводится, таким образом, до ряда потребительских практик и непосредственных чувственных переживаний»¹³².

Жертва — всегда что-то, чего пытаешься избежать. Об этом мне говорят и врачи, ведущие курсы специализации в университетах: экстренной медициной не хочет заниматься практически никто, но зато полно будущих дерматологов. О том же говорит и нехватка людей, готовых на работы, требующие больших жертв, от официантов и горничных до пекарей и каменщиков. Не имея более веских причин мы неизбежно позволяем и самим себе опуститься до идолопоклонства и ложного наслаждения сиюминутным, ложного, потому что ирреального. Такое умаление до сиюминутного наслаждения сопровождается все более подчеркнутым индивидуализмом, который как раз и противостоит жертвенности. В результате человек избегает необходимости растрачивать себя ради других и тем самым идет против себя и своего стремления к милосердной любви, без которой человеку плохо. Жизнь без другого воспринимается как более выгодная. Однако без жертвы нет истинных отношений. Какие истинные отношения могут быть с другим человеком без жертвы?

«Без жертвы отношение с человеком, кем бы он ни был, в том числе и отношение матери к ребенку, не истинно. Без жертвы, и я добавлю, жертвы осознанно принятой (потому что нельзя вечно оставаться детьми), мы не любим ничего и никого, кроме в конечном счете животной реактивности нашего „я“. Без жертвы нельзя любить другого»¹³³.

В. Истинная жертва — признавать присутствие

Неизбежная жертва становится положительной только благодаря Христу, жертва видимостью, ложным обещанием сиюминутного наслажде-

¹³² E. Risso. *Godere è il fine ultimo. Il ritorno dell'edonismo nell'era individualista // Domani*. 12 gennaio 2025. P. 10.

¹³³ L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* P. 502.

ния оказывается возможной в силу истинной любви: необходимо утверждать Другого, чтобы быть самим собой. Так рождается новое самосознание, которое непременно проходит через жертву. Отец Джуссани, не слишком вдаваясь в объяснения, помогает нам понять эти вещи на одном замечательном примере: «Я расскажу вам один впечатляющий случай из своей жизни. Я знал парня и девушку, которые были помолвлены, очень толковые совсем еще юные ребята. Они жили в одном селеении в Абруццо; они должны были пожениться через несколько месяцев. Однажды к ним в приход приехал некий отец Семини, чтобы провести недельный курс встреч о миссиях. Как-то вечером по дороге домой парень сказал девушке: „Знаешь, если бы я не решил пожертвовать собой, чтобы поехать в миссию, ведь так много людей живут и ничего не знают о Боге, так много несчастных людей, если бы я не решил на эту жертву, я бы считал себя недостойным тебя, я бы стыдился себя, мне было бы стыдно говорить, что я тебя люблю“. Тут сразу, конечно, вздохи, плач и иступленный крик... Но итог был поразительный: он отправился в миссию, а она через несколько месяцев вошла в конгрегацию сестер-миссионерок»¹³⁴.

Такая жертва, добавляет отец Джуссани, ради истинности собственной жизни, ради любви ко Христу, подразумевает *печаль*: не по тому, что я оставляю, а потому что мне не удастся по-настоящему утверждать присутствие, которое я хотел бы утверждать. И тогда я не могу не стараться отдать все, вверяя свершение Отцу, как Иисус во время Страстей. Мне не удастся любить до конца, и отсюда печаль, но эта печаль открывает меня для полной отдачи себя Ему в тихой радости.

Жертва веры и харизма

В связи с этой темой в книге «Можно ли жить так?» есть страницы, которые особым образом касаются нашего настоящего. Отец Джуссани задает вопрос: «Как я могу — будьте внимательны к постановке вопроса! — как я могу признавать и любить это присутствие Христа вплоть до жертвы (это и есть вера как жертва, жертва веры)? Почему мы вместе? Мы здесь, потому что среди нас Христос»¹³⁵.

¹³⁴ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 345–346.

¹³⁵ Там же. С. 346.

Чуть дальше он добавляет: «Тот, кого достигла определенная харизма, уже не может следовать за Христом, оставив эту харизму; это было бы предательством. Все те люди, которые сказали мне: „В Движении есть такие-то и такие-то недостатки, я ухожу из Движения“, все те, кто ушел, потеряли все, они уже больше ничего не поняли. Поэтому в какой-то момент многие возвращаются. <...> Если Христос дал тебе узнать Себя через эти обстоятельства, выраженные в этих лицах, то именно через эти лица, через эти обстоятельства Он изменяет тебя, делает великим твое сердце, твою душу, твой ум»¹³⁶. Таким образом, необходимо признавать великое Присутствие в компании людей, в которую Он нас призвал, в которой Он являет Себя сейчас. И потому самая важная жертва — держаться той конкретной формы, в которой меня достигает харизма. Это означает постоянное уподобление, жертву, заключающуюся в сердечном следовании без дистанцирования. Помните, в прошлом году я говорил: нужно ни на миллиметр не отрываться от этого фактического тела, как оно совершает свой путь во времени. Вот конкретная жертва: позволять Христу становиться моей мерой.

«Уже не я живу, но живет во мне Христос». Как может стать реальной Его жизнь во мне, если я не препоручаю самого себя харизме, как она мне дана, определенной компании, пребывающей в единстве Церкви, в единстве с папой? Если мы соглашаемся на такую жертву веры, то есть на то, чтобы не диктовать условия пути, предлагаемого нашей компанией, которую кто-то ведет, мы начинаем что-то понимать, и тогда создается единство — плод жертвы веры. «Милосердная любовь творит единство: именно она порождает его и делает его желанным»¹³⁷, — сказал Бенедикт XVI на мессе канонизации Дамиана де Вёстера, миссионера, отдавшего жизнь служению прокаженным на далеком гавайском острове Молокаи.

Джуссани утверждает: «„Если ты останешься, то увидишь такие же великие дела, — говорил Иисус, и еще больше сих“. И я всегда думаю об этих словах Иисуса, вспоминая то, как я начинал служить и как я начинал вести уроки религии в Берше: тогда тех, кто шел за мной, было трое или четверо. Умножать их количество было моей последней мыслью. Сейчас я содрогаюсь при одной только мысли об этом! „Кто пребудет во Мне, кто

¹³⁶ Там же. С. 348.

¹³⁷ Бенедикт XVI. *Проповедь на мессе канонизации некоторых блаженных*, 11 октября 2009 г.

будет верен в принадлежности Мне [вы принадлежите Мне через единство среди вас, через компанию среди вас, потому что в ней присутствую Я], дела, которые творю Я, и он сотворит; и больше сих сотворит¹³⁸». Таким образом, жертва, делающая истинной нашу любовь и созидающая наше единство, заключается в том, чтобы оставаться в этой компании.

Признавать компанию, в которой присутствует Он, и следовать за ней. Такое признание требует труда, жертвы. Когда-то давно я посмотрел фильм «Кадош» режиссера Амоса Гитая¹³⁹. Первые кадры показывают мужчину (как выяснится позже, он готовится стать раввином), проснувшегося утром. Каждое его привычное действие (открыть глаза, спустить ноги с кровати, умыться, одеться и т. д.) — ритуал, напоминающий ему, что он принадлежит Богу. В еврейской традиции, с ее законами и предписаниями, все стремится утверждать отношение каждого жизненного акта с Богом. И я подумал: удивительно, за каждым жестом стоит закон, установленный, чтобы не забывать! Но как же отличается христианский опыт, где правило, обновляющее в нас память и доносящее до нас бескорыстие Иисуса, — это конкретность нашего общения.

Пребывая в этом общении, говорит отец Джуссани на страницах, посвященных собранию, мы открываем для себя, принимаем и учимся любить жертву признания Христа, присутствующего в том числе и в Таинствах, в литургии, в Слове Божьем: «Простите, попробуйте найти большее пожертвование собой, чем то, которое мы признаем: признаем, что в церкви, в пятидесяти метрах отсюда, есть Христос, Человек, Который жил и умер и воскрес в Палестине две тысячи лет назад, признаем, что Он находится там, в хлебе, под видом хлеба, в знаке хлеба. Попробуйте найти еще большую жертву ума, обязательства любви, страстного желания, чтобы весь мир познал Его»¹⁴⁰.

Целомудрие

Встреча со Христом дарует нам новое самосознание, условием которого является жертва собственной мерой, а результатом — стократное воздаяние, видимое уже сейчас. Стократное воздаяние начинается с восприя-

¹³⁸ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 348.

¹³⁹ *Кадош* (Франция-Израиль). Реж. А. Гитай.

¹⁴⁰ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 361.

тия жизни как призвания, того факта, что «я есть Ты-творящий-меня»¹⁴¹ и что все мне дано: эта компания, это общение. И в следовании за ними мое существование совершается как жизнь Христа во мне: «Христос — идеал нашей жизни, поскольку она есть попытка ответа, желание ответить на призыв Бога; призвание, призыв Бога, замысел Тайны обо мне. Если я сейчас искренен, вдумчив, то понимаю: нет ничего очевиднее... того факта, что прямо сейчас... все мне дано, чтобы свершился Его замысел — не мой, свершился через письмо, через речь, через молитву „Ангел Господень“... через все. „Едите ли, пьете ли“, — апостол Павел говорит о самых банальных вещах, какие только можно представить. „Пьете ли, спите ли“, — скажет он в другом месте; „живете ли или умираете“, — повторяет он в третьем случае, — все это „ради славы Христовой“, то есть ради замысла Божия. *Христос — идеал жизни*»¹⁴².

Мы призваны, чтобы свидетельствовать о Нем. «Каким образом мы свидетельствуем о Нем? Живя с Нем. Человек, который каждый день читает Евангелие, который причащается, который говорит: „Приди, Господи“, — человек, который смотрит на своих друзей, для которых это уже стало более привычным, может начать чувствовать, что значит жить с Нем. Жить с Нем, что можно выразить и по-другому: жить как Он»¹⁴³.

Жить с Нем, жить *как* Он. Если мы живем сознанием о Христе как об идеале жизни, становится возможным целомудрие. Когда читаешь «Можно ли жить так?», поражает, что Джуссани говорит о нем как об измерении христианской жизни для всех, а не как о специфической форме призвания для немногих. Оно часть желания уподобиться Христу. Целомудрие не захватывает, это «любовь без обладания». Вспомните Мигеля Маньяру, персонажа из произведения Оскара Милоша, с которым нас познакомил и любовь к которому привил нам отец Джуссани: вспомните, как он впервые видит в шестнадцатилетней девушке Джироламе иной способ любить. Она говорит: «Оттого, что я люблю цветы, мне не нравятся девушки, которые делают из цветов украшения, как из шелка или из кружева, или из разноцветных перьев. Я никогда не украшаю цветами волосы (слава Богу, они вполне хороши и без этого!). Цветы — это живые существа, и надо дать им жить и вдыхать солнечный и лунный воздух.

¹⁴¹ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 123.

¹⁴² Л. Джуссани. *Признать Христа // Присутствие во взгляде*. Упражнения Братства «Общения и освобождения», 2015. С. 82.

¹⁴³ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 364.

Я никогда не рву цветы. В мире, где мы живем, можно очень сильно любить, не желая тотчас убить предмет своей прекрасной любви или заточить его в стакан, или же (как поступают с птицей) в клетку, где вода утрачивает вкус воды, а спелое зерно — вкус зерна»¹⁴⁴.

Жить с Ним, жить *как* Он. Если наша великая задача в мире — пламенная любовь Христа к человеку и отдание самих себя ради Его любви к судьбе каждого человека, то мой взгляд на каждого человека должна наполнять жертва непосредственной реакцией: «Я должен пожертвовать непосредственной реакцией, моим „нравится“ или „не нравится“, симпатией или антипатией; должен пожертвовать непосредственным впечатлением. Я должен пожертвовать непосредственным впечатлением при виде красивой женщины... да, да! Должен пожертвовать этим»¹⁴⁵.

Чтобы мы поняли, отец Джуссани задает вопрос: «Кто больше обладал уличной женщиной Магдалиной, — Христос, Который на одно мгновение взглянул на нее, проходя мимо, или все те мужчины, которые были с ней?»¹⁴⁶ Обладание на отдалении — вот что такое целомудрие. Отец Джуссани вновь сосредоточивается на Христе — источнике этой парадоксальной и неслыханной формы любви. Парадоксальной, но притом единственной в состоянии утолить жажду истины, любви и полноты, из которой мы сотканы. И как же она далека от непосредственного удовольствия, от страха жертвы! «Эта истина того, как любил Христос, удивляла тех, кто смотрел на Него: люди были поистине ошеломлены. Он на самом деле не прикасался к ним (Он касался глаз слепых, рта немых, ушей глухих, только для того, чтобы исцелить их), и все-таки, если кто-нибудь приближался к Нему на двадцать метров, его пронзало это Присутствие, и он шел домой, имея в себе образ этого Человека, от которого потом целыми днями пытался отделаться и от которого с трудом отделялся!»¹⁴⁷

Но то, что мы видим во Христе, происходит на наших глазах и сейчас. Отец Джуссани еще раз вспоминает мать Терезу из Калькутты и ее сестер, чтобы показать, что и сегодня можно любить, как любит Христос. Каждый пусть подумает о безвозмездной любви многих из нас, отдающих самих себя (иногда в болезни) и являющихся свидетелями перед всеми.

¹⁴⁴ Ср. О. Милош. *Мигель Маньяра*. Серiate: Христианская Россия, 2000. С. 60–61.

¹⁴⁵ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 365–366.

¹⁴⁶ Там же. С. 367.

¹⁴⁷ Ср. Там же. С. 367.

А. Целомудрие — для всех

Целомудрие — истинная форма любых отношений. Каждый человек, открывая, что он бесконечно любим Христом, начинает отражать в своей жизни эту любовь без обладания, любовь к судьбе другого, истинную любовь. Снова процитирую книгу «L'incontro che accende la speranza»: «В одном своем романе Шарль Фердинанд Рамю... говорит: „Мы любим недолговечное только во имя долговечного“. Такова природа человека: „Любить недолговечное только во имя долговечного“. Бергсон очень хорошо подчеркнул значение этого слова: „долговечность“. „Любить недолговечное“ означает любить то, чего нет, то, что несостоятельно, „только во имя долговечного“, только во имя бытия, во имя чего-то постоянного»¹⁴⁸.

Отсюда следует, что всеобъемлющая любовь Христова не отменяет любви к каждой детали (именно поэтому мы говорим о стократном воздаянии), более того, благодаря ей каждый человек, каждый истинный жест любви может пребывать вечно, как отмечает отец Джуссани в книге «Il miracolo dell'ospitalità» («Чудо гостеприимства») — еще одном тексте, который следует внимательно перечитать (только что вышло новое расширенное издание на итальянском языке). Меня особенно поразила глава «Жить бескорыстием», содержащая текст Дня начала года в Милане в 1988 году: «Будем спокойны: люди и вещи никогда не скатятся до монотонного предлога, никогда не станут предлогом [в смысле: мы любим Христа, а значит до всего остального нам нет дела!]. Люди будут становиться все больше самими собой, если вы смотрите глазами Христа, в свете Христа; вещи будут становиться все больше самими собой, если вы будете касаться их с той любовью, с какой касалась их рука Христова»¹⁴⁹.

Другими словами он выражает это в книге «L'incontro che accende la speranza», говоря о богатом юноше: «Что значит оставить все ради Христа? Для богатого юноши это действительно означало бы оставить дом, деньги, лошадей, быков и девушек и пойти за Христом. Но оставить все ради Христа — не самоцель. Если бы человек применял эту фразу буквально, он должен был бы оставить ризотто, вино и даже воду и в скором времени умер бы. Ясно, что дело не в этом, а в том, чтобы воспринимать, оценивать, постигать вещи, о чем бы ни шла речь, в их связи с чем-то более великим — с тайной Царства Божия, то есть со Христом»¹⁵⁰.

¹⁴⁸ L. Giussani. *L'incontro che accende la speranza*. P. 42.

¹⁴⁹ L. Giussani. *Il miracolo dell'ospitalità*. Milano: Piemme, 2025. P. 37.

¹⁵⁰ L. Giussani. *L'incontro che accende la speranza*. P. 77.

Таков опыт стократного воздаяния, даруемый тем, кто любит, не обладая, в целомудрии: «И не может быть (как ко мне приходят жаловаться), что мы не испытываем „сто крат“ на земле; конечно, ты не испытываешь этого, потому что ты представляешь себе „сто крат“ так, как хочешь тебе, ты представляешь „сто крат“ как расширение границ инстинктивности. А на самом деле это что-то совсем другое, это что-то намного прекраснее, надежнее, привлекательнее, человечнее, это что-то, что делает тебя братом и сестрой бедному истощенному человеку, который умирает в канаве на обочине дороги и которого сестра матери Терезы из Калькутты без отвращения подбирает и приводит в дом. Его моют, переодевают... и он за несколько часов до смерти говорит: „Я всегда жил как бедняк, а вот теперь умираю как царь“. К нему отнесли как к царю, как к царю: вот оно „сто крат“ на земле»¹⁵¹.

Такой же опыт мы видели среди нас, в отце Альдо Тренто. Помню, он рассказывал, как однажды подобрал на улице одного несчастного человека: его тело кишело червями. Его помыли, обработали раны, и отец Альдо наблюдал за ним, пока тот ел суп. Ел и смеялся, ел и смеялся. Тогда отец Альдо спросил: «Почему ты смеешься?» Бедняга думал, что умер и попал в рай. Он радовался, потому что чувствовал себя в раю!

Новая форма жизни, новый «микроклимат»¹⁵², как говорит отец Джуссани в книге «Una rivoluzione di sé» (прекрасный образ, указывающий на целостность, а не на что-то разрозненное), — это ядро миссии, ради которой мы были избраны: нести в мир, в сферы жизни, где протекает наша повседневность, а также на сцену общества, «в огромный мир, ожидающий Его»¹⁵³, нести изменение жизни, которое есть знак присутствия Христа. Целомудрие как плод любви является, следовательно, великим свидетельством. Как глубокий подход к отношениям, как любовь без вознаграждения целомудрие касается всех, а для некоторых людей оно является призванием как формой всей жизни (и многие из нас услышали этот призыв). Отец Джуссани говорит об этом в лекции, прочитанной на упражнениях студентов в 1994 году, опубликованной под названием «Признать Христа»: «Это зовется *милосердной любовью*, эти изменения зовутся милосердной любовью. Работа, которая становится послушанием, есть милосердная любовь. Любовь к женщине, которая становится зна-

¹⁵¹ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 368.

¹⁵² Cfr. L. Giussani. *Una rivoluzione di sé*. P. 69.

¹⁵³ [L. Giussani]. *Il senso della caritativa*. P. 12.

ком последнего совершенства, окончательной красоты, есть милосердная любовь. И народ, который становится историей Христа, Царствием Христовым, славой Христовой, есть милосердная любовь. Потому что милосердно любить — значит смотреть на присутствие, на всякое присутствие, и ощущать в душе пламенное устремление ко Христу, нежность ко Христу. <...> ...эта милосердная любовь должна стать *законом для всех*, не только для живущих целомудрием! Это всеобщий закон! Именно так, всеобщий закон! Целомудрие — видимая форма жизни, призывающая всех к общему идеалу, к общему идеалу, каким является Христос, Тот, ради Кого единственно стоит жить и умирать, работать, любить женщину, воспитывать детей, править народом и помогать ему»¹⁵⁴.

Те, кто призван к целомудрию как к форме жизни, напоминают всем об идеале: жить с Ним, жить *как* Он. Однако, говоря о браке и семье, отец Джуссани не меняет перспективу. Отец Сикари завершает свою книгу-катехизис о браке («Breve catechesi sul matrimonio») интервью с отцом Джуссани. «Среди всех священников, которых я знаю, никто больше так не говорит о христианском целомудрии»¹⁵⁵, — утверждает он, объясняя, почему решил беседовать именно с ним. На первый вопрос — о том, что «супружескую принадлежность» сложно предлагать молодым людям, — отец Джуссани отвечает, идя до сути призвания к браку: «Для взрослого человека, даже если он очень молод, принадлежность другому человеческому существу не первостепенна; на первом месте — ощущение себя, собственной личности. Чем глубже и истиннее это ощущение себя, тем человек способнее принадлежать другому. И тут мы открываем еще более интересный секрет: чтобы ощущать собственную личность достойным, состоятельным, действенным и, я сказал бы, почти „окончательным, определяющим“ образом, нужно ощущать еще более исконную принадлежность: принадлежность ко Христу, Тому, Кто избавляет нас от нашей немощи, от страха зыбкости. <...> Когда требуемая принадлежность всеохватна и касается всей жизни (как в браке)... она должна проистекать из всеохватной принадлежности Тому, Кто сотворил нас, Богу нашей жизни»¹⁵⁶.

Помню, Клеуза Рамос, моя бразильская подруга из Сан-Паулу, как-то раз иронично, с юмором, как когда она утверждает нечто великое, ска-

¹⁵⁴ Л. Джуссани. *Признать Христа // Присутствие во взгляде*. С. 87–88.

¹⁵⁵ А. М. Sicari. *Breve catechesi sul matrimonio*. Milano: Jaca Book, 1990. P. 91.

¹⁵⁶ *Ibidem*. P. 92–93.

зала мне: «Я вышла замуж за Маркоса, но в браке нас было трое: он, я и Христос. Мое „да“ через „да“ Маркоса я сказала Христу! Маркос мог бы уйти к другой женщине, — и потом добавила: — или к мужчине, как нынче модно. Мое „да“ останется, поскольку это „да“ я сказала Иисусу». В браке любовь тоже призвана быть целомудренной, потому что нет истинной любви без жертвы отдаления, которую ты приносишь, видя перед глазами судьбу другого: «Высшее отдаление достигается там, где взгляд любви прямо устремлен к судьбе другого... Обладание, осуществляемое или претерпеваемое, становится отвратительным (невыносимым), когда оно служит некоему расчету в отношении человека. Тогда как любовь к судьбе другого (и в этой любви человек неразрывным образом любит и собственную судьбу) позволяет правильно соединить обладание и свободу»¹⁵⁷.

Сикари, имея в виду драматичные ситуации, которые и мы можем себе представить, побуждает Джуссани ответить на следующий вопрос: «Когда случается, что один из супругов физически брошен, оставлен в одиночестве, какой смысл в верности?» Вот что тот отвечает: «Смысл можно обрести, только если открываешь „целомудренный“ аспект собственного призвания. Заметим, что аспект этот присутствовал и раньше, когда отношение имело место. Он уже был сутью супружеских отношений. В несправедливой драме оставленности, целомудренный аспект проявляется с болезненной отчетливостью, но притом он может быть спасительным. <...> [Далее он вновь указывает на глубинное измерение брака.] Призвание — задача на благо Церкви, которую Бог ввергает нам через обстоятельства жизни. Есть две основополагающих задачи: *брак*, чья цель породить новых людей (таков его глубинный смысл, хотя сегодня многие хотели бы оттеснить его на второй план), и *целомудрие*, чья цель в том, чтобы призывать всех к идеалу. Поэтому те, кто по-настоящему переживает христианский брак, испытывают огромное уважение к тем в Церкви, кто воплощает призвание к целомудрию. Возвращаясь к примеру брошенного супруга: случается, что через ужасную неподвижность оставленности человек призван идти до конца той ценности, на которой был построен брак: служить Христу в созидании Церкви. И тогда речь идет о жизни в ожидании, на первый взгляд, бесплодном, с великим смирением, в принятии целомудрия, которое, казалось бы, навязано, —

¹⁵⁷ *Ibidem*. P. 95–96.

в принятии, потому что оно не просто „несчастный случай“, а просит человека открыть для себя твердое основание. И на таком радикальном целомудрии нужно строить свое умиротворение, свое миссионерство, дар себя Церкви»¹⁵⁸.

На вопрос: «Это касается всех, кто при всем желании не может вступить в брак?» — отец Джуссани отвечает: «Да, не существует трех призваний. Более того, христианское призвание одно, с двумя разными направлениями. Тем, кто не может вступить в брак или осуществить его, я говорю: послушай, а где истоки всего? В нашем желании обладать и быть обладаемыми [в желании любить и быть любимыми]. Но для тех, кто любит Христа, это желание есть знак отношения с Ним, по сути уже осуществленного, но притом всегда подлежащего созиданию, переживанию. Что бы ни случилось, какому отклонению не подверглось бы наше желание обладать и быть обладаемыми, нужно держаться истинной, изначальной природы этого желания. Только это позволяет без разочарования переживать жертву отношением, которое в исторической перспективе оказывается невозможным»¹⁵⁹.

Многие семьи, в том числе и среди нас, страдают из-за драмы расставания. Многие, возможно, чувствуют себя обманутыми в их надеждах построить семью. Однако, если мы всерьез отнесемся к перспективе, на которую указывает отец Джуссани, нам откроются неожиданно положительные сценарии. Мы возвращаемся к тому, о чем уже говорили вчера: «в конце концов... темой является вера»¹⁶⁰. Подумайте о верности Богоматери у креста, о которой так пронзительно рассказали нам сцены Дуччо. Казалось, все потеряно, но Богоматерь оставалась верной своему «да» и в каждое мгновение снова говорила его. В тексте 1989 года «*Maria: fede e fedeltà*» («Мария: вера и верность») отец Джуссани писал: «Хочу упомянуть еще одну вещь, которая производит на меня впечатление и вытекает из веры, — верность. Верность Богоматери, даже когда все казалось противоположным тому, чего она ожидала, тому, что ей было сказано. <...> «*Stabat mater*» <...> Мария, Его мать, стояла прямо возле креста, на котором умирал ее Сын. <...> Именно потому, что она таким образом участвовала в смерти своего Сына, она также участвовала в великом даре, который ее Сын дал миру, мне и каждому из вас,

¹⁵⁸ *Ibidem*. P. 101–102.

¹⁵⁹ *Ibidem*. P. 102.

¹⁶⁰ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 315.

и каждому человеку, который пришел, который сейчас в мире, и который придет тем путем, который знает Отец: в даре спасения»¹⁶¹.

Подобную жертву можно принести лишь в верности изначальному призванию. Однако, пока я говорю все это, не будем закрывать глаза на драматичную ситуацию многих наших друзей, переживающих проблемы в браке или кажущееся отсутствие ответа на желание вступить в брак. Какую заботу мы должны проявлять в близости и молитве о тех, кто находится в сложном положении, и для этого мы должны прежде всего вновь смотреть на самих себя, на великое призвание — отдавать жизнь в пламенной любви ко Христу, в пламенной любви к каждому человеку! Когда отец Джуссани говорит о таких вещах (как Иисус в Евангелии), суждение ясно! И оно не в том, что «все одинаково», нет. Каждому — своя дорога, которая открывается в разделении жизни и в пути, когда не отказываешься от суждения и словно просишь с вытянутой рукой.

Еще одна большая тема, связанная с целомудрием в семье, касается гостеприимства, принятия [детей]. В начале книги «*Il miracolo dell'ospitalità*» отец Джуссани воодушевленно обращается к членам ассоциации «*Famiglie per l'Accoglienza*»¹⁶²: «Дорогие друзья, ваш пример освещает для меня дорогу будущего: близость, или братство, которое распаивается в объятии, не знающем колебаний. Поэтому советую вам никогда не останавливаться в гостеприимстве, подражая поведению Христа с детьми, которых Он встречал. Если Он, Господь, склонялся над самыми малыми, чтобы указать путь взрослым, вы, делающие то же самое, становитесь знаком новизны, которая, подобно волне, распространяется из семьи в семью, от самых близких к самым дальним, в движении, которое есть начало более человеческого общества, состоящего из тех, кто радуется о судьбе людей, кто готов жизнь отдать и за одного из них, ибо вы познали Создателя, дающего жизнь и дыхание всему. Так каждый встречающий вас наконец чувствует себя дома, то есть принятым, в безопасности, как ребенок на руках отца»¹⁶³.

¹⁶¹ L. Giussani. *Maria: fede e fedeltà // Tracce*. N. 5. 2007. P. 4.

¹⁶² «*Famiglie per l'Accoglienza*» — ассоциация социальной поддержки, возникшая в 1982 году по инициативе группы семей, которые в силу воспитания, полученного в «Общине и освобождении», решили открыть свои дома для временного или постоянного принятия несовершеннолетних или взрослых в сложной ситуации. Она развивает и поддерживает опеку, усыновление и опыт принимающих семей.

¹⁶³ L. Giussani. *Il miracolo dell'ospitalità*. P. 15.

Эта книга свидетельствует о том, что отец Джуссани видел в действенном гостеприимстве многих семей из Движения знак благодати нашей харизмы, делающий милосердную любовь конкретной в повседневной семейной жизни.

Б. Любовь и дела ради миссии

От новой человечности рождается великое свидетельство любви как создания конкретных ответов на нужды людей, с которыми мы ежедневно встречаемся. История Движения изобилует богатством дел, инициатив, сегодня во многих уголках мира многие из нас отдадут самих себя в милосердной любви, в бескорыстии. Даже в деятельности, казалось бы, не являющейся напрямую благотворительной, даже если человек — предприниматель, даже если он подчиненный и, возможно, работает в несправедливых условиях, даже если он занимается политикой, он призван свидетельствовать о любви Христа. Так мы вносим наш вклад в строительство более справедливого и человеческого общества, в созидание народа.

Свидетельство о безвозмездной любви — величайший возможный вклад с нашей стороны, который не остается на уровне намерений, а превращается в конкретное внимание к конкретной нужде, как мы говорили сегодня утром. Отец Джуссани пишет: «Это называется любовью. Безвозмездно помогать ближнему, человеку, разрешать его нужду и отвечать на нее, какого бы характера она ни была: от нужды в хлебе до нужд души. Разрешать или помогать разрешать нужды, из-за которых человек плачет и страдает. <...> Любовь — фактор, который подтверждает и пронизывает все другие факторы, любовь превосходит все. Она порождает народ, который может родиться только от чего-то безвозмездного. Блестящий расчет не может создать высочайший феномен человеческого самовыражения, каким является народ. Он может родиться лишь благодаря чему-то безвозмездному»¹⁶⁴. И мы можем делать это лишь вместе, в компании, дарованной нам именно для того, чтобы мы всегда могли возвращаться на верный путь.

Вспомним, что сказал нам папа Франциск в 2015 году: «Лишь тот, кого коснулась нежная ласка милосердия, действительно знает Господа. Главное место встречи — мой грех, которого достигает ласка Христова милосердия. Вы не раз слышали от меня, что встреча с Иисусом Хри-

¹⁶⁴ L. Giussani. *L'io, il potere, le opere*. Genova Marietti 1820, 2000. P. 132.

стом происходит преимущественно через грех. Именно благодаря Его милосердному объятию, мне хочется ответить и измениться, именно от него может взять начало иная жизнь. <...> Христианская мораль не в том, чтобы никогда не падать, а в том, чтобы всегда подниматься, опираясь на Его руку, поддерживающую нас. Позволить великому милосердию Божию явить себя — в этом и путь Церкви. Церковь тоже должна ощутить радостное желание стать миндальным цветком, то есть, подобно Иисусу, весной для всего человечества»¹⁶⁵.

А в 2022 году на площади Святого Петра, заполненной нашим народом, он так завершил свою речь: «Я хотел бы сегодня, в эти времена попросить вас о конкретной помощи. Призываю вас поддерживать меня в пророчестве о мире Христе, Господине мира [здесь имеется в виду мир как отсутствие вражды. — *Примеч. перев.*]! Все более жестокий и воинствующий мир по-настоящему пугает меня, честно говорю вам: он пугает меня. Прошу вас поддерживать меня в пророчестве, говорящем о присутствии Бога в бедных, в покинутых и уязвимых, осужденных или оставленных за рамками общественного устройства; в пророчестве, возвещающем присутствие Бога в каждой нации и культуре, идущем навстречу ожиданиям любви и истины, справедливости и счастья, присущим человеческому сердцу и трепещущим в жизни народов. Пусть ваши сердца горят святым пророческим и миссионерским беспокойством. Не оставайтесь неподвижными»¹⁶⁶.

Тут перед нами открывается широкая перспектива. Подумаем о Церкви, в жизнь которой мы призваны вносить наш самобытный вклад. Я видел, как это делают некоторые из нас, на последней синодальной встрече итальянской Церкви: их туда послало не Движение, а епископы разных итальянских епархий, где многие из нас, священники и прежде всего миряне (ответственные за синодальный путь, аниматоры), бескорыстно предлагают свои дела и свою жизнь ради Церкви, в том числе на институциональном уровне. Это был настоящий праздник: узнавать друг друга и понимать, что каждый в своей епархии является ростком присутствия и бескорыстия ради Христа. И то же самое можно сказать о политике, институтах, больницах, университетах, о сфере информации и культуры. Бескорыстно.

¹⁶⁵ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*, 7 марта 2015 г.

¹⁶⁶ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*, 15 октября 2022 г.

Отец Джуссани говорит: «Отличительная черта нового народа, родившегося от события Христа, — бескорыстие в подходе к повседневным обстоятельствам, в предпринимаемых усилиях, рисках и жертвах, которые они влекут за собой; бескорыстие, стремящееся подражать тому избытку и той благодати, с которыми Христос пришел и остается среди нас. Бескорыстие как источник тихой радости посреди жертв, противоречий и страданий»¹⁶⁷. Без выгоды для себя, в любви, подталкивающей нас вперед и возрождающей в нас то «святое пророческое и миссионерское беспокойство», о каком просит нас папа и какое вселяет в нас желание быть присутствием общения — общения, занимающего определенную позицию, судящего о правде и о лжи и в то же время обнимающего человека. Это общение, дающее всем возможность узреть отблеск взгляда Христова, исполненного любви к человеку, привлечшего нас, взгляда, который мы познали. «Мы познали любовь».

В завершение послушаем песнопение «Cristo al morir tendea». Впустим в себя вопрос, обращенный сегодня к каждому из нас: «Оставьте ли вы Его ради другой любви?»¹⁶⁸

¹⁶⁷ Ср. Л. Джуссани, Х. Прадес, С. Альберто. *Прочертить след в истории мира*. М.: Духовная библиотека:Новое небо, 2019. С. 215.

¹⁶⁸ Фра Марк Антонио да Сан-Джермано (XVI в.). *Cristo al morir tendea // Canti per la Settimana Santa*. Milano: Soc. Coop. Ed. Nuovo Mondo, 2007. P. 50–51. Монс. Паккози имеет в виду слова из первого куплета: «Христос шел на смерть, / и Мария говорила своим самым близким: / „Он, чтобы привести вас на небо, отдает душу и тело, разве оставите вы Его ради другой любви?“».

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Иез. 37:21–28;

Иер. 31:10–13; Ин. 11:45–57

ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА

КАРДИНАЛА КЕВИНА ДЖОЗЕФА ФАРРЕЛЛА,

ПРЕФЕКТА ДИКАСТЕРИИ ПО ДЕЛАМ МИРЯН, СЕМЬИ И ЖИЗНИ

Дорогие братья и сестры,

мы только что услышали о событиях, произошедших после воскресения Лазаря. Это чудо — кульминация «знамений», совершенных Иисусом в Евангелии от Иоанна. Оно вновь воспламеняет надежду перед лицом самой мрачной драмы, терзающей человека, — перед лицом смерти, и показывает власть Иисуса даже над ней.

Такой невероятный факт должен был бы пробудить веру в Иисуса, окончательно убедить всех в личности Иисуса и в Его миссии как Посланного Отцом, как Сына Всевышнего, как Бога, ставшего человеком. Но этого не происходит.

Евангелист Иоанн говорит, что некоторые иудеи поверили, другие сочли «знамение» лишь очередным предлогом для обвинений против Иисуса и отправились донести о случившемся синедриону. Именно там было решено, что «государственная необходимость» должна возобладать над правосудием.

Действительно, мы читаем, что синедрион «положил убить Его», а не осудить, поскольку фарисеи не наши в Нем никакого греха, никакого преступления. Они боялись, что образуется движение следующих за Иисусом, которое вызовет жестокое подавление со стороны римлян, разрушение Храма, а с ним — и всего народа. С того момента Иисус вынужден был не встречаться с большими скоплениями людей, искавших его, и удалился в пустынное место.

Мы наблюдаем за парадоксальным исходом самого сенсационного чуда, описанного в Евангелии. Лазарь вызволен из смерти, Иисус осужден на смерть; Лазарь возвращается к близким и вновь пребывает среди людей, Иисус вынужден удалиться в одиночестве, уйти от толп; Лазарь вновь обретает жизнь, Иисус движется к концу Своей жизни. Словно Иисус избавил Лазаря от всех его бед, и все эти беды обрушились на Него.

Такова ошеломляющая черта христианского спасения. Перед лицом многочисленных страданий, отягощающих человеческое существование, Бог не вмешивается «на расстоянии», «свысока», отдаляя от человека (и от Самого Себя) беды и несчастья.

Вочеловечившись, Бог избрал другую дорогу. Он «взял» на Себя беды, которые увидел в человеке, и таким образом лишил их смертоносной силы. Иисус взял на себя наше одиночество и «привил» его к Своему сокровенному единению с Богом. Иисус взял на Себя наши страхи и неуверенность, соединив их со Своим бесконечным доверием Отцу.

Иисус взял на Себя наши ненависть и злобу, соединив их со Своей бесконечной любовью. Иисус взял на себя смерть, угрожающую нашему существованию, соединив ее со Своей нетленной полнотой жизни.

Так Он «исцелил» человеческую природу. Он остался один, но даровал нам возможность духовного братства и общения.

Он испытал муки оставленности, но даровал нам уверенность в том, что мы в руках Отца. Он был изранен беспричинной ненавистью, но даровал нам божественное милосердие — источник безграничной любви. Он умер, но открыл нам врата вечной жизни, начинающейся уже здесь, в сердцах, в которых обитает благодать.

Отцы Церкви называли это «чудесным обменом». Наш Спаситель «взял у нас» одиночество, горечь греха, оставленность, неблагодарность, ненависть, страдания и смерть и «взамен даровал» нам близость к Богу, общение с Ним и с братьями, примирение, свободу от зла, внутреннюю радость, полноту жизни в воскресении.

Дорогие, все вы пережили опыт такого «чудесного обмена», о котором говорили Отцы Церкви. Слова Иоанна, направлявшие в эти дни ваши духовные упражнения, говорят как раз об этом: «Мы познали любовь».

Вы тоже во встрече со Христом и в следовании за Ним в лоне Движения испытали, как ваше одиночество, ваши протесты, ваша мелочность, закрытость сердца, ваши страхи, ваши «смерти» многократно были «взяты» Христом в Таинстве примирения и в моменты общей молитвы, где Сам Христос присутствовал среди вас. И вы «познали» мир, общение, доверие, преодоление внутренней смерти, которые были дарованы вам «взамен», особенно в общем участии в Евхаристии, где Христос дает нам Самого Себя и по-настоящему приобщает нас к Своей природе.

В первом чтении мы услышали великие обещания, которые провозглашает Иезекиль: собиране рассеянных детей Божиих, конец идолопо-

клонства, единение под одним Пастырем, изменение сердца, завет мира, постоянное жилище Бога среди народа. Для нас эти обещания исполнились во Христе Иисусе.

Уверен, и это исполнение обещаний вы «познали» в жизни вашего Братства, пусть даже и не совершенным образом. Именно там вы могли прикоснуться к воссоединению многих «рассеянных» людей, ходивших разными путями, а теперь объединенных одной верой, одной надеждой, стремлением к одной судьбе.

Мы сегодня живем в культуре, очень далекой от того, что провозглашают эти обещания: вместо воссоединения — разделения и конфликты; вместо признания истинного Бога — создание многих ложных идолов; вместо завета мира — распространение насилия, и не только в войнах между народами, но и в повседневных домашних отношениях.

Вы же «познали» дело благодати и знаете, что речь не о неисполнимых обещаниях. Вера во Христа порождает новую человечность, мирные и братские связи. Вот ваше сокровище и плод харизмы, которая достигла вас через отца Джуссани и к которой все вы причастны. И следовательно, на всех вас лежит ответственность за то, чтобы и дальше все лучше постигать вашу харизму и жить ею в полноте.

Несите всем и прежде всего молодежи ваше свидетельство о том, что возможно строить более человеческое, более справедливое и милосердное общество. Отец Джуссани научил вас сопоставлять человеческую жизнь с жизнью Христа и находить в Нем ответы, которые все мы ищем, и в первую очередь получать стимул и силу, которых недостает нашей слабой воле.

Вы имеете долгую традицию присутствия в мире воспитания, в школах всех уровней. Это одна из самых плодотворных и самобытных областей приложения вашей харизмы, делающей вас способными говорить с сердцем молодых людей и с искренностью и сочувствием их воспринимать их вопросы и устремления.

Используйте в полной мере богатство вашего опыта в школе и на пути воспитания молодых людей в вере, не «отступайте» с этого поля миссии, такой сложной, но и изобилующей удовлетворением и удивительными результатами.

Святейший Отец неоднократно говорил церковным движениям, что их харизмы необходимо нести всем людям, их нужно разделять со всеми и ставить на служение вселенской миссии Церкви. Например, «Католиче-

скому харизматическому обновлению» он сказал нести всем «крещение в Духе Святом», характерное для их харизмы, и позволять переживать его людям, не входящим в их группы. Перед вами стоит столь же серьезный вызов.

Братство «Общения и освобождения» тоже могло бы спросить себя: в чем особенность нашей харизмы? И как мы можем поставить ее на службу Церкви, донести до всех, в том числе и до людей не из Движения? Господь просветит вас и даст понять, что делать, чтобы выполнить эту задачу.

Дорогие братья и сестры, приближаясь к пасхальным торжествам, испросим помощи у Господа и ходатайства у Девы Марии, чтобы мы могли пережить силу воскресения Христова и чтобы оно стало в нас началом новой жизни.

Аминь.

ПЕРЕД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Давиде Проспери. Ваше Высокопреосвященство, позвольте мне от всего нашего Братства выразить вам сердечную благодарность. Мы испытываем огромную признательность за то, что и в этом году вы согласились сопровождать нас на упражнениях, которые являются для нас важнейшим событием года. Мы сознаем, какую жертву это означало для вас, камерленго, в настоящий момент, когда Святейший Отец находится в тяжелом состоянии и, к нашей великой радости, идет на поправку. В связи с этим мы еще больше благодарны за то, что вы не отказались от участия в упражнениях с нами.

Несколько минут назад вы сказали в проповеди, что «Бог не вмешивается „на расстоянии“, „свысока“, Он «избрал другую дорогу»: «даровал нам близость к Богу, общение с Ним». Мы очень живо чувствуем эту близость через ваше присутствие здесь с нами и в этом году. Мы еще раз переживаем опыт милосердной любви Церкви к нам в том, как вы сопровождаете нас на пути обращения ко Христу, к которому папа постоянно нас призывает, сопровождаете очень близко. Я думаю и о статье, которую вы пожелали написать по случаю двадцатой годовщины смерти отца Джуссани, где вы напомнили, какой дар благодати все мы получили — не только для самих себя, но и ради блага Церкви и мира.

Ваше отеческое отношение поддерживает нас в нашей задаче перед лицом мира. У нас нет иной цели, кроме как отдать жизнь ради славы Христовой и того, о чем просит нас Церковь. Прибегну к словам Анна Веркора, процитированным сегодня утром монсеньором Паккози: «Чего стоит весь мир в сравнении с жизнью? И чего стоит жизнь, если ее... не отдать? И зачем мучиться, когда так просто быть послушным?»

Прошу вас передать Святейшему Отцу наше самое теплое приветствие и поздравления с Пасхой, а также наши молитвы о его выздоровлении и надежду на скорую встречу. Сердечно благодарю вас, Ваше Высокопреосвященство.

Кардинал Фаррелл. Я хотел бы воспользоваться моментом, чтобы поблагодарить Движение, основанное отцом Джуссани. Думаю, многие из нас, в том числе и члены Братства, не в состоянии понять важность Движения в наше время. Мы видим мир, переполненный войнами, насилием, множеством страшных вещей.

Единственный путь к изменению мира пролегает через Евангелие: делать то, что делал Христос, делать, как делал Он. В наших молитвах мы должны всегда думать о том, *что* Христос делал в жизни. И о том, что и мы должны делать то же самое в этом мире.

Когда я встречаюсь с епископами из разных стран мира во время визитов *ad limina*, они, естественно, всегда рассказывают мне о проблемах в епархиях, но также спрашивают, что им посетить в Риме, какую церковь, помимо собора Святого Петра, важно увидеть. Я всегда отвечаю (это не очень католическая мысль), что им нужно провести хотя бы одно утро на римском форуме и подумать, что Рим две тысячи лет назад не слыл таким уж религиозным городом. Это было одно из самых безнравственных мест в мире. Но потом пришло несколько христиан, двадцать, может, тридцать человек, и летописцы римской истории, как Кассий, говорили: «Как распознать христиан в нашем городе? По тому, как они относятся друг к другу».

Это были христиане-миряне из Северной Африки, они пришли в Рим и обратили всех. Так Слово Божие, распространившееся сначала благодаря таким семьям, а не Петру и Павлу, которые прибыли позднее, учит нас, что мы должны поступать точно так же. Вот величие вашего призвания: учить весь мир — часто не словами, а свидетельством жизни.

Таково ваше призвание: менять мир, свидетельствуя о ценностях, которым Христос учит в Евангелии. Благодарю вас за все, что вы делаете.

Подумайте, сегодня вас здесь больше двадцати тысяч. Если каждый из нас найдет трех человек и поможет им изменить образ жизни (только трех человек!), будет более шестидесяти тысяч людей, живущих по-христиански.

Благодарю вас, продолжайте в том же духе!

Воскресенье, 13 апреля, утро

Вольфганг Амадей Моцарт

Концерт для кларнета с оркестром ля мажор, K622.

Кларнет — Альфред Принц

Венский филармонический оркестр — Карл Бём

Deutsche Grammophon

Ангел Господень

Утренняя

Стефано Альберто. Поприветствуем Его Преосвященство епископа Римини монсеньора Николо Ансельми, который пришел поздороваться с нами.

Монсеньор Николо Ансельми. Спасибо. Отниму у вас тридцать секунд, чтобы поблагодарить вас за ваше присутствие здесь, за то, что вы делаете в ваших епархиях, в ваших церквях, в ваших общинах. Хочу пожелать вам благодатной Страстной недели. Думаю, правильно сказать вам об этом в этот год Юбилея и в эту особенную Пасху, которую наши православные братья будут праздновать в один день с нами. Ваши упражнения посвящены любви, и я желаю себе и вам быть, по наставлению Святейшего Отца, паломниками надежды. А наша надежда в том, чтобы торжествовала любовь, чтобы любовь, мир и присутствие Божие, которое есть любовь, затронули и покорили сердца всех людей и чтобы мы могли там, где находимся, и на глобальном уровне созидать мир любви и мира, каким Бог его задумал для всех нас.

Хороших и святых вам упражнений, светлой Пасхи! Спасибо еще раз и хорошей обратной дороги. Поприветствуйте от меня и ваших епископов.

■ СОБРАНИЕ

Давиде Проспери. Мы подошли к заключительному моменту упражнений. Нам поступило огромное количество вопросов, и многие сходятся в одних и тех же точках, поэтому нам несложно было выбрать

те, что позволят еще раз пересмотреть некоторые основополагающие мысли, услышанные в эти дни.

Монсеньор Джованни Паккози. Добавлю, что большое число вопросов касалось очень личных проблем, прежде всего в связи со второй лекцией. На них я постараюсь, как смогу, ответить так же лично в следующие месяцы.

«Не могли бы вы лучше объяснить отношение между ложью и злом? Что значит, что зло рождается от забвения встречи? Как это забвение выражается на опыте?»

Паккози. Начну с первой части вопроса, с отношения между ложью и злом. В книге «Una rivoluzione di sé», которую я цитировал, говоря об этих вещах (советую и вам обращаться к ней, а особенно к главе, содержащей упражнения 1970 года), отец Джуссани утверждает, что зло лживо, зло — ложь. А отец лжи — дьявол. В чем заключается ложь? Подумайте об Адаме и Еве, о сцене из третьей главы Книги Бытия, о тайне первородного греха, не поддающейся объяснению. Чем искушает дьявол (дьявол — тот, кто разделяет)? Он вносит разделение между Адамом, Евой и Богом (а затем — и между женщиной и женщиной), между частностью и целым. Вот ложь. Змей говорит: «Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?» Ева отвечает: «Плоды с деревьев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть». И тут змей вводит в искушение: «Нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло»¹⁶⁹. В чем ложь? В отрыве частности (Адама и Евы) от целого (Бога). В утрате сознания, полного уверенности в том, что они были созданы из ничего, что их возлюбили вплоть до близости повседневного общения. Текст Книги Бытия выражает это в прекрасном образе «Бога, ходящего в раю во время прохлады дня»¹⁷⁰, гулявшего с ними; они переживали опыт близких

¹⁶⁹ Быт. 3:1–5.

¹⁷⁰ Быт. 3:8.

отношений с Богом. Отрывать частность от целого — ложь. Это верно и для нас: грех всегда состоит в том, чтобы сосредоточиваться на частности, подменяя ею всё, и потому он ложь. Зло — ложь, зло означает не принадлежать, зло — формировать наше суждение о жизни и реальности независимо от Того, Кто вышел нам навстречу и любит нас. Зло, говорили мы вчера, — ставить самих себя, наши проекты на место Бога. Нам кажется, будто мы применяем наш собственный критерий, но, утверждает отец Джуссани, поскольку мы не Бог, мы неизбежно перенимаем мирской критерий. А значит, он ложь.

Мир лежит во лжи, говорит Иисус в Евангелии. Освобождение от этого зла происходит во встрече, во Христе, вошедшем в жизнь и позволившем понять, что Его полнота выражается в любви ко мне, к моему ничтожеству. И потому только в отношении с этим Присутствием я вижу всякую вещь на фоне истинного горизонта, на ее месте в великом замысле Божиим. С точки зрения опыта забвение встречи заключается в том, что часто Христос словно никак не связан с тем, что мы переживаем ежедневно. Спросим себя: что направляет нас в суждении, которое мы конкретным образом выносим каждый день в отношениях, в том, как мы используем время, как работаем, как делаем все?

Проспери. Мне кажется, ты очень ясно это выразил. Пока ты говорил, я подумал, что применение принципа зла как лжи, касающееся всех нас довольно близко, идет ли речь о компании или о интимной сфере семьи, об отношениях, затрагивает еще один аспект, который ты упомянул в пятницу вечером: разница между злом и болью. Я имею в виду наши страдания, когда мы переживаем разделения. Они тем более ощутимы в рамках общины и всего Движения. В таких случаях зло заключается не в трудностях и не в боли, которые мы чувствуем из-за несовершенства вещей (от этого никуда не деться, мы не совершенны); зло — во лжи: человек, как ты сказал, смотрит на другого, забывая о том, что по-настоящему их объединяет, поскольку на первый план выходит что-то иное, между нами преобладает что-то иное — наша точка зрения.

Ложь именно в этом, в этом дьявол, тот, кто разделяет, заставляя нас остановить взгляд не на том, что нас держит вместе и что не мы произвели (нас собрал вместе Другой), а на чем-то еще. Ложь, как ни парадоксально, закрадывается, когда мы думаем, будто утверждаем ис-

тину и во имя этой истины рушим единство, стоящее у истоков нашего существования.

«Ты определил любовь как человеческую потребность. Мне не кажется, что это так в моем жизненном опыте. Можешь пояснить это противоречие?»

Проспери. Тут интересно вспомнить День начала в 2023 году, чтобы вернуться к тому, что такое опыт в свете нашего воспитания и как мы пришли к его пониманию. Начнем с самого базового уровня, который, думаю, касается всех. Если мы посмотрим в наш опыт, верно ли то, о чем спрашивает этот наш друг или подруга? Когда кто-то благодарит тебя, тебе это приятно или же ты остаешься безразличным или даже злишься? Когда ты делаешь что-то хорошее, когда даешь деньги нищему, помогаешь кому-то в нужде и тебя не благодарят, ты ощущаешь удовлетворение? Что ты получаешь взамен? Спросим себя, почему люди, которые, возможно, не заявляют о своей религиозности, тоже охотно занимаются благотворительностью. Подумаем о некоторых голливудских звездах: почему они это делают? Помню, когда умер бразильский автогонщик Айртон Сenna, стали известны многие подробности его истории. На мой взгляд, он был по-настоящему выдающейся личностью. Признаюсь, поскольку я болел за Феррари, поначалу он мне не сильно нравился, но узнав о нем больше, я понял его человеческую, а не только спортивную ценность. Он создал фонд, дающий шанс на будущее детям из трущоб в его родной стране. Почему? Чтобы вернуть то, что жизнь дала ему, отдать что-то из того, что он сам получил, чтобы и у других появились возможности, которые были у него. Говоря о милосердной любви, мы должны (думаю, в дни упражнений это было очевидно для всех) вычеркнуть непосредственное чувство простого альтруизма или великодушия, с которыми она отождествляется. Милосердная любовь — это любовь, любовь не только как данная кому-то, но прежде всего как та, что получил каждый из нас. Многие знают, что я потерял отца, когда был еще очень мал. В определенном смысле подобный факт накладывает отпечаток на психологию ребенка, поскольку знаменует утрату точки опоры, позволяющей строить позитивные отношения с реальностью.

Роль отца, по сути, именно в этом и состоит, и ребенок учится переживать отношения с реальностью гораздо в большей степени через отождествление с тем, кто его порождает, нежели чем через объяснения о том, как жить в мире. Я ощутил (конечно, несознательно), что со смертью моего отца у меня было что-то отнято. Что в таком случае делает ребенок, особенно если он родился в христианской семье (моя мать всегда была очень набожной, глубоко верующей). Он не может думать, что Бог плохой и рассуждает так: «Если у меня отняли отца, значит, это я плохой и в чем-то должен был провиниться, я недостоин быть как другие дети». Иисус же говорит: «Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него»¹⁷¹. Так вот, я в детстве начал доверять этому обещанию Иисуса, обещанию бесконечной любви. Я начал просить. Я не видел исполнения моих просьб и не мог даже представить, что жизнь готовила для меня. Встреча с Движением стала конкретным началом осуществления обещанного. День за днем во многих трудностях, тяготах и слабостях все начало складываться в историю. Вернемся к замечанию из вопроса: «Мне не кажется, что это так в моем жизненном опыте». На самом деле, любовь — глубочайшая потребность, ведь без любви невозможно жить. Без такой любви нельзя жить по-человечески. И когда человек испытывает нехватку такой любви, он должен настойчивее просить, должен еще больше доверять обещанию, которого жаждет наше сердце и которое нам исторически было дано.

«В утренней лекции неоднократно говорилось о связи между любовью и личностью Иисуса. Нам эта связь кажется первостепенной, и потому мы хотим попросить глубже рассмотреть этот аспект.

Что ты имеешь в виду, говоря, что мы открываем соответствие любви, не выводимое из опыта, предшествующего встрече? Иногда мы с удивлением видим людей, никогда не встречавших Христа, но при этом совершающих поразительные бескорыстные поступки. Чего недостает этим поступкам в плане любви, которая рождается во встрече со Христом?»

¹⁷¹ Мф. 7:11.

Паккози. Начну со второй части вопроса. Любить и быть любимыми — этому посвящены песни, которые мы услышали перед собранием. В последней говорилось не об Иисусе, а об опыте любви, позволяющем найти собственное место в реальности¹⁷². Однако, если подумать, опыт, описанный в песне, является частичным, ведь глаза девушки, благодаря которым человек может остаться, вместо того чтобы продолжать скитаться, искать чего-то в разных местах, — ее глаза не вечны. Не в наших силах всегда подобным образом освещать жизнь любовью, позволяющей говорить «я». То, что человек открывает в опыте любви, — своего рода отголосок, томительное желание, благодаря которым он, как говорит отец Джуссани в «Смысле каритативы», догадывается, что отдавать самих себя, а точнее «интересоваться другими» — часть нашего существа, закон жизни. У некоторых законов — конкретная цель, как, например, у правил дорожного движения, но они не являются структурными, присущими человеческому существу. Когда не было автомобилей и других транспортных средств, не было и законов. Закон же жизни — структурный закон человеческого существа как такового. Интересоваться другими — такой же закон, как необходимость есть, пить и спать. Если человек не ест, не пьет и не спит, он умирает. Если человек не любим и не любит, он умирает. Умирает! Мы переживаем это опытно: внутреннюю смерть многих людей вокруг нас, нелюбимых и почти неспособных любить, доверять, а значит, и любить. Почему любовь — закон существования? Потому что так сотворил нас Бог. Заметьте: мы не говорим о спонтанном великодушии, которое можно иметь или не иметь. В детстве меня поражал мой двоюродный брат Леонардо (он сейчас здесь): если ему дарили карамельку, он передаривал ее кому-то еще. У него это выходило спонтанно, и я думал: «Вот это да, какой щедрый!» Человек может даже не верить в Христа (хотя в сердце есть жажда, есть желание) и притом совершать великодушные, бескорыстные жесты, поражающие нас.

¹⁷² W. Jennings. *Freedom to stay*. Альбом *Lonesome, On'ry and Mean*, 1973. © RCA Victor. «I could ramble, a thousand miles or more / Never find the light I've seen in your eyes before / You gave me the freedom to go on my own way / But you gave me much more, you gave me the freedom to stay» (Я мог бы пройти тысячу миль и даже больше и так и не найти свет, который я видел в твоих глазах. Ты дала мне свободу идти своей дорогой. Но ты дала и гораздо больше: ты дала мне свободу остаться.).

Однако отец Джуссани поясняет, что любовь — нечто иное, поскольку «она невыводима из того, что испытывает человек». Я в самом начале упражнений сказал: мне было немного страшно говорить о любви, потому что мы полагаем, будто уже знаем про любовь, но это не так, мы открываем ее, только глядя на Иисуса. Отец Джуссани говорит в «Можно ли жить так?»: «Какой партнер, какая встреча может основать всецелое принесение себя в дар? Когда кто-то говорит: „Если бы я встретил красивую девушку, ну такую красивую, такую красивую, что краше и не бывает, я поступил бы правильно, сказав: „Мадам! Синьорина, я посвящаю всю свою жизнь вам!“ — он как собака на поводке! Но речь идет не о девушке, которая увянет через четыре года». И потом добавляет: «А если речь идет... о Боге (Красоте с большой буквы, как сказал бы Леопарди, источнике всякой красоты), Который стал Человеком... Какой другой человек был бы достоин большего внимания, вызывавшего бы у нас изумление вплоть до желания посвятить ему всю жизнь, чтобы вся жизнь была посвящена ему? Именно это испытывали некоторые люди, глядя на Христа, когда они смотрели на Него, именно это приходило им в голову! Поэтому первым объектом любви как дара себя и как взволнованности... Потому что это взволнованность — осознавать, что среди нас есть самый прекрасный человек на свете... Но речь идет не только о самой великой красоте, которая стала человеком и которую мы встречаем на улице, которая пребывает с нами каждый день... Помимо красоты, Он обладает такой добротой, что отдает жизнь за людей, отдает жизнь за меня и так же, как за меня, он отдает жизнь за тебя и за водителя трамвая, которого я не знаю, и даже за немецких нацистов, он отдает жизнь за всех»¹⁷³.

В другом месте отец Джуссани замечает: «То, что Христос умер за людей, — это абстрактная фраза». Он же «отдает жизнь за меня и так же, как за меня, Он отдает жизнь за тебя и за водителя трамвая, которого я не знаю, и даже за немецких нацистов, Он отдает жизнь за всех. С одной стороны, первый объект любви это Он, с другой стороны, эта любовь к Нему стремится затронуть любого человека, любой человек более непосредственно вызывает у нас жалость»¹⁷⁴. Иными словами, мы воспринимаем другого человека как часть нас, в братских узах с нами,

¹⁷³ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 312–313.

¹⁷⁴ Там же. С. 330, 312–313.

а значит ощущаем порыв дарения, внимания к нуждам, желания, чтобы он мог достичь своей судьбы, и этот порыв становится бесконечно более великим, потому что мы встретили Христа.

Уже в прошлом году я цитировал одну проповедь Бенедикта XVI на Навечерие Пасхи. Он говорил, что воскресение Христово, то есть продолжение Его присутствия среди нас с Его победой над злом, над ложью и над смертью, представляет «качественный скачок в истории „эволюции“¹⁷⁵. Те, кто встречает Христа и позволяет Ему покорить их, переживают новый опыт, выходящий за пределы опыта человеческого, исполняющий его и дающий нам понять, что мы созданы, чтобы любить и быть любимыми (такими нас создал Бог), и позволяющий нам любить, как Он любит, входя в сокровенные глубины Бога. Христос непрестанно порождает и в нас, по природе, возможно, не щедрых и не великодушных, возможность дарить себя, какой у нас не было бы без Него. Это дар, который мы получаем и призваны передавать»: «часто не словами, а свидетельством жизни», как сказал вчера кардинал Фаррелл.

«Что значит, что каритатива — воспитательное предложение? Какие аспекты делают ее таковой? Ее должно предлагать Движение или она просто может быть ответом на имеющуюся нужду? В моей общине имеет место та самая ошибка, которую ты описал утром в субботу: каритативой называют бескорыстные поступки, которые каждый выбирает для себя (например, пойти навестить больного человека). Часто речь идет о личных действиях отдельных людей. Можно ли пояснить, что характеризует каритативу?»

Проспери. Нас слегка поразило (говорю это без возмущения) огромное число вопросов о смысле каритативы. Поэтому мы посчитали полезным еще раз уточнить, прежде всего между нами, взрослыми, ее смысл.

Если помните, уже в первый вечер мы выбрали примером проявления милосердной любви свидетельство наших друзей с Кубы. При всего двух-трех часах электричества в день они не отказываются от каритативы, даже если при этом рискуют потерять доступ к электро-

¹⁷⁵ Бенедикт XVI. *Проповедь на святой мессе Навечерия Пасхи*, 15 апреля 2006 г.

энергии. Для них (это их собственные слова) участие в каритативе куда существенней электричества. Думаю, это мощный призыв для всех нас. Как обычно бывает, те, кто сильнее нуждается, в большей степени вынуждены признавать то, что по-настоящему существенно. Через их свидетельство мы призваны вновь открыть для себя воспитательную силу каритативы и, в широком смысле, всех предложений Движения. Порой мы воспринимаем то, что предлагается в Движении, со скептицизмом, словно это что-то для подростков, инициативы, которые нас устраивали, когда мы были старшеклассниками, а теперь нет: взрослая жизнь усложняется, чем дальше, тем она становится сложнее, и в результате наше время всегда заполняет что-то другое, и в конце концов мы оправдываем наше неучастие, кроме редких случаев, когда мы испытываем чувство вины, потому что нам кажется, будто мы предали доверие компании. Речь, разумеется, не об этом. Речь даже не идет исключительно о каритативе или об общем фонде, о котором чуть позже мы скажем подробнее. Речь обо всех предложениях (например, о книге месяца), потому что все они задуманы ради нашего воспитания.

Иногда мы обманываем себя, полагая, что можно развить новое самосознание (когда я провожу встречи с нашими общинами, это слово повторяется наиболее часто) вне физической конкретности действий, инициатив. Мы обманываем себя, думая, что достаточно слов, которые мы говорим, тогда как именно от верности предлагаемым действиям рождается новое самосознание и возможность побеждать тот спиритуализм, который постепенно отрывает нас не только от действий, но и от самой компании. То, что предлагается, предлагается для нас, ради нашего личного обращения — моего и нашего — сегодня. Поэтому не будем относиться к этому как к чему-то самоочевидному, давайте пересмотрим наш подход к каритативе и постараемся оставаться по возможности верными, поскольку именно верность позволяет понять ценность.

Как же мы открываем воспитательную ценность каритативы? Прежде всего, занимаясь ей. Второе методологическое указание «Смысла каритативы» гласит: «*Делать, чтобы понять*. Чтобы понять, недостаточно *знать*, необходимо *делать*»¹⁷⁶. Тебе до конца не ясно, зачем нужна

¹⁷⁶ [L. Giussani]. *Il senso della caritativa*. P. 14.

каритатива? Начни ходить на нее! Кроме того, рекомендую вам всегда помнить о тексте «Смысл каритативы», где отец Джуссани емко и четко говорит о причинах этого предложения. Каритатива — не просто выражение великодушия, альтруизма, не просто волонтерство, действия ради блага других. Прежде всего это воспитательный момент, приучающий к милосердной любви того, кто ей занимается: благодаря ей мы учимся, что значит действительно любить. Требуется смирение, чтобы признать: мы не в состоянии любить по-настоящему. Порой мы драматичным образом осознаем это в самых близких отношениях, порой закрываем на это глаза, хотя речь о постоянной борьбе, как поется в песне Кьеффо: «Я бы хотел бы любить тебя так, как любит тебя Бог»¹⁷⁷. Мы должны учиться этому, и каритатива служит для того, чтобы учиться любить, как любит нас Бог: «Мы ходим на каритативу, чтобы учиться жить как Христос»¹⁷⁸.

Что касается второй части вопроса, коротко напомним, чтобы отсечь любую двусмысленность (но не входя в детали: «это да, это нет»), три указания, три основополагающих момента, которые необходимо учитывать, поскольку, как напомнила наша подруга Ингрид из Гватемалы, не все одинаково.

Во-первых, каритатива — общинное предложение, оно исходит от тех, кто стоит во главе общины. Нельзя просто выбирать то, что нравится: по меньшей мере в рамках жизни общины нужно советоваться с теми, кто направляет ее. «Верность в том, чтобы доверять указаниям Движения и его ответственным, — первая добродетель, и она принесет свои плоды»¹⁷⁹.

Во-вторых, место проверки опыта — община. Именно в ней мы помогаем друг другу судить о том, что мы переживаем, испытываем, а также о возникающих трудностях: «Нужно постоянно соотносить себя с Движением, а иначе возрастает риск прекратить поиски глубинной идеи, которая поддерживает нас, когда мы действуем ради других»¹⁸⁰.

В-третьих, в работе школы общины полезно выделить момент и помочь друг другу вынести суждение о каритативе, чтобы она способ-

¹⁷⁷ C. Chieffo. *Ballata dell'amore vero // Canti*. P. 216–217.

¹⁷⁸ [L. Giussani]. *Il senso della caritativa*. P. 7.

¹⁷⁹ *Ibidem*. P. 13.

¹⁸⁰ *Ivi*.

ствовала развитию в каждом из нас осознанию жизни как общения: «Следовательно, необходимо вести диалог на наших встречах, в группах, с ответственными общины, с более зрелыми и „живыми“ людьми. Прежде всего время от времени пересматривайте свои взгляды через контакты с „центром“»¹⁸¹. Важно, чтобы инициатива рождалась и обсуждалась в рамках жизни общины, которая является источником воспитания и для взрослых, а не только для молодежи, ведь у взрослых нет уже проложенных жизненных дорог.

«Что значит, что наша жертва имеет ценность только в отношении с жертвой Христа? Ты сказал, что приношение нашей жертвы может помочь кому-то далеко от нас? Как это может не оставаться на уровне отвлеченных мыслей?»

Паккози. Вчера я начал со слов Джуссани о невыносимости жертвы: она является частью реальности, но представляется нам несправедливой. В нашей повседневной жизни от нас требуется множество жертв; я думаю, например, о тех, кому приходится сталкиваться с болью, со страданиями, которые влекут за собой многие жертвы не только от страдающего, но и от окружающих его людей. Мы не можем устранить слово «жертва» из нашей жизни, хотя, как я говорил, приводя результаты исследования, кажется, что сегодня большое число людей стремится избегать каких бы то ни было жертв любой ценой, как будто идеал заключается в чистом наслаждении, наслаждении, разумеется, никогда полностью не удовлетворяющем. Однако с тех пор как Христос стал человеком и умер на кресте, эта невыносимая реальность обрела ценность и смысл, каких мы и вообразить не могли. Жертва есть часть (отец Джуссани говорит: «условие») любви. Закон жизни, как мы сказали, — это милосердие, любовь, которые динамично проявляются через жертву. Нельзя выразить любовь к другому, если не отказаться от непосредственного обладания, без приношения самих себя. А приношение самих себя становится разумным, только когда мы смотрим на Христа. Сам Бог избрал жертву как путь (хотя он и кажется непостижимым), воочеловечившись, согласившись на крестную жертву. Отец Джуссани

¹⁸¹ *Ibidem.* P. 14.

пишет: «Прежде всего, мы не можем сказать Богу: „Ты ошибаешься! Кто из людей может сказать Богу: „Ты ошибаешься!“?»¹⁸²

Я, человек, которого достигло объятие Христово, могу начать переживать на опыте, что, если я соединяю мою жертву с Его жертвой, она становится орудием спасения для меня и для других. В этом заключается и логика совершаемой нами Евхаристии. Как связаны Евхаристия, то есть жертва Христова, обновляющаяся ради нас и всего мира, и наши повседневные страдания? В первый год семинарии ныне Слуга Божий отец Диво Барсотти читал курс литургической духовности, настолько необыкновенный, что я и сейчас чуть ли не наизусть помню все лекции, и все они были пронизаны бесконечной открытостью перед реальностью. Размышляя о мессе, он говорил следующее: «Вы отдаете себе отчет? Когда мы совершаем Евхаристию [в момент освящения у него часто на глаза наворачивались слезы, и он замирал, всецело вживаясь в происходящее], рушатся все стены расстояния, времени и пространства между нами и Им; между нами и моментом, в который Иисус взошел на крест, моментом, в который Иисус умер, а затем воскрес: мы там, под крестом, и приносим Ему хлеб и вино, приносим Ему самих себя, приносим Ему боль от насилия войны, приносим Ему страдания многих людей — сейчас. Преодолевается расстояние времени и пространства, и Он сейчас приносит Себя в жертву за нас и спасает мир сейчас. Он делает это через нас, приносящих Ему все, что заставляет нас страдать, и Он искупает все это». Давайте задумаемся об этом. Как сильно!

Как понять, что моя жертва может послужить человеку на другом краю света? Понятно, что тут нельзя установить прямые связи, и поэтому я говорил, цитируя Джуссани, что «в конце концов... темой является вера»¹⁸³. Тот факт, что мы познали любовь Христову, позволяет ощущать и испытывать, подобно облегчению, что мои малые страдания, если я соединяю их со страданием Иисуса, таинственным образом становятся вкладом в спасение мира согласно замыслу, который принадлежит не мне. Об этом знают ангелы, и мы узнаем, если Богу будет угодно, в рай. Моя жертва, соединенная с жертвой Христа, называется приношением, и «моя жертва, заключающаяся в том, чтобы вставать по утрам, терпеть моего отца, мою мать, мою жену, моего мужа, детей... тоже становится благом». Помните

¹⁸² Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 341.

¹⁸³ Там же. С. 315.

апостола Павла? «Живу не я, а Ты живешь во мне». Вчера мы говорили, что для отца Джуссани «вершина изменения [менталитета] — *приношение своей жизни*; если любовь — это закон изменения, то вершина — это приношение жизни». И поэтому не нужно ничего измерять: жертва состоит в том, чтобы отдать все, принести все Тому, Кто дает все нам. Сегодня утром за сценой кто-то из вас показал мне фотографию: человек из службы порядка заботился о том, чтобы оливковые веточки, которые вы нашли на стульях, лежали аккуратно и красиво (последний день упражнений совпал с Вербным воскресеньем, и для торжественной мессы были подготовлены оливковые ветви для всех участников. — *Примеч. ред.*). Сейчас, когда я вам рассказал, вы об этом знаете, но тот человек делал это не для того, чтобы кто-то объявил об этом. Кто заметил бы маленькую жертву — ровно разложить веточки на двадцати тысячах стульев? Об этом знают ангелы Божии. Даже такая маленькая жертва важна, потому что принесена ради Него, а если для Него, то и для всего мира.

Проспери. Многие задавали этот вопрос: какова судьба, каков исход нашего приношения? Помню, когда я был юным и впервые участвовал в упражнениях студентов, кто-то задал вопрос о приношении, и Джанкарло Чезана, отвечая, сказал: «Бог не свалка для наших неудавшихся жизней, так что человек, если у него что-то не ладится, отдает это Ему». В чем проблема? Что мы по сути отдаем? Даря тебе цветок, я предлагаю не только цветок, я предлагаю, приношу тебе самого себя, вкладываю в твои руки мою жизнь, утверждаю зависимость как содержание моей жизни, потому что я дарю самого себя, но не знаю, что станет с этим моим приношением. Тот, кому я даю цветок, дарю самого себя, может сказать мне нет, может задуматься, может ответить: «Ну... посмотрим... может быть, со временем...» В любом случае такой жест выражает сознание о себе как о принадлежащем кому-то, и уже это начинает менять меня. Как это отразится на судьбе мира? Мне кажется, часто двусмысленность заключается в том, чтобы считать приношение нашей способностью, вместо того чтобы видеть в ней утверждение принадлежности: я завишу от Тебя, о Христе, я сотворен Тобою, сотворен для Тебя, а Ты можешь все.

Чем дальше, тем больше я понимаю, что приношение прежде всего не в том, что могу сделать я: я не могу ничего, я ничего не умею. Единственное, что я могу принести, — моя открытость, готовность, чтобы

Ты, о Христе, поступил с ней, как угодно Тебе. Это Бог творит все, а не мы, и потому разумно принести нашу жизнь, из которой Бог соделает, что Он хочет, где Он хочет, с кем Он хочет. Кто мог предположить, что из приношения жизни со стороны первых людей, последовавших за Иисусом, родится вся та история, благодаря которой мы сегодня здесь? Все творит Бог.

«Было сказано, что плод любви — целомудрие. Я хочу, чтобы вы подробнее коснулись отношения между целомудрием и стократным воздаянием. Ты говорил, что в браке супружеская принадлежность друг другу должна проистекать из принадлежности Христу. Что это значит?»

Я ощущаю возможность глотка свежего воздуха в вопросе целомудрия в браке, даже в ситуации оставленности и трудностей. Как распознать „да“, сказанное Христу, в опыте жизни, который, кажется потерпел неудачу?»

Паккози. Что касается первой части вопроса, связи между целомудрием и стократным воздаянием, это, прежде всего, опыт, который я переживаю. Мне бы в голову не пришло стать священником, но в русле нашей истории в определенный момент я услышал: «Эй, эй, может, это твоя дорога?»¹⁸⁴ Тогда с некоторой неохотой я сказал: «Нужно проверить этот путь». Потом я поступил в семинарию и в конце второго года столкнулся с так называемой «кандидатурой во священство»: семинарист должен был обратиться к епископу с просьбой принять его в число кандидатов в священники. У меня такое в голове не укладывалось: «Как так?! Я еще должен просить о том, чтобы стать священником? Я чув-

¹⁸⁴ В те месяцы мы на школе общины работали над текстом «Tracce d'esperienza cristiana», и меня поразил пункт, посвященный призванию: «То, что я должен делать, кем должен быть, обычно открывается не в четкой приказной форме, а как подсказка, как приглашение. Призвание, являющееся смыслом моей жизни, предстает передо мной скорее как мелькнувшая возможность, а не как неотвратимая неизбежность. Это тем вернее, чем более значима и важна задача, которую нужно осуществить. Сознание, в его самом чистом и воодушевляющем выражении, тихо намекает, вдохновляет. И я принимаю решение о росте моей личности, отвечая положительно на тончайше очерченные возможности» (L. Giussani. *Il cammino al vero è un'esperienza*. Milano: Rizzoli, 2006. P. 121. Ср. также: Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. М.: Христианская Россия, 2006. С. 93).

ствую призвание, но, будь моя воля, обошелся бы и без этого!» И я написал епископу, кардиналу Бенелли, человеку огромной веры: «Дорогой епископ [именно так я и выразился], мне кажется, я понял, что Господь хочет, чтобы я избрал эту дорогу. Но вы епископ, так что вы должны сказать мне, действительно ли это мой путь. Я до сих пор всем был и остаюсь доволен, но если вы мне скажете, что это не мое, я буду доволен и в таком случае». Когда потом мы, кандидаты, выстроились в очередь к нему на беседу и я собирался зайти, кардинал Бенелли появился в дверях своего кабинета, увидел меня и сказал: «Господь тебя призвал! Это твое призвание!» Так он избавил меня от некоторых сомнений. Последнее сомнение (повторяю, не то что бы мне не нравился другой возможный путь) отпало, когда меня рукоположили в дьяконы. В тот момент я сказал сам себе: «Это таинство, и значит, Бог действительно хочет, чтобы я шел по этому пути».

С тех пор я переживаю настоящий опыт стократного воздаяния, о котором отец Джуссани говорит в процитированных мной текстах. В целомудрии человек не заикливается на том, от чего отказывается, потому что он весь устремлен к тому, чтобы переживать отношения с людьми и вещами как «обладание с внутренним отдалением»¹⁸⁵, что есть самая истинная и подобающая форма обладания, самое полное и подобающее обладание, к которому призваны все мы. Он настолько к этому стремится, что вся его человечность обогащается, намного превосходя то, что доступно его воображению: во сто крат. Так человек переживает отцовство, любовь, привязанность к людям, положительность, которая распаивается во все более широкий горизонт, охватывающий наше собрание сегодня утром, ответственность за Движение в Латинской Америке, тех, кого я встречаю в моей епархии. Я говорю о том, чем сам живу, о моей личной дороге. Мой опыт — это преумножение не во сто, а даже в тысячу крат в том, что касается человечности. Притом во мне остается вся моя мелочность, неверность, все многочисленные упущенные возможности, утраченные отношения, все зло и вся ложь, которые есть во мне. Но что я могу вам сказать? «Во сто крат» здесь и сейчас — опыт, рождающийся, когда обладаешь людьми и вещами, как Христос обладал всем. Мы вспоминали об этом вчера благодаря словам отца Джуссани: «Кто больше обладал уличной женщиной Магдалиной, —

¹⁸⁵ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 243.

Христос, Который на одно мгновение взглянул на нее, проходя мимо, или все те мужчины, которые были с ней?» Обладание на отдалении — вот что такое целомудрие, вот что такое «во сто крат»: осуществление идеала христианской жизни и чаяний каждого человека.

Расскажу вам еще одну историю. Много лет назад при одном из моих сельских приходов был дом священника, совсем ветхий, и семья, которая хотела создать место, где они могли бы принимать детей, кроме своих собственных. Мы стали думать в этом направлении, провели ремонтные работы и так начался прекрасный опыт. В какой-то момент я сменил приход, а потом уехал в Перу. Когда почти двадцать лет спустя дорогая Энца, мама из этой семьи, умерла, я вернулся, вошел в дом, вспомнил, сколько было вложено в реконструкцию и подумал: «Я потратил тут так много сил, но, не вернись я сегодня, я бы и не вспомнил. Какая разница?» Только во Христе мы можем переживать истинное и единственное в своем роде обладание вещами, включая и плоды наших трудов, которые, по сути, не принадлежат нам.

Что значит, что принадлежность между супругами должна рождаться от принадлежности ко Христу? Коротко перескажу, ответ отца Джуссани в интервью отцу Сикари, которое я цитировал вчера. Брак — окончательный дар себя другому человеку, однако было бы неразумно связывать всю мою судьбу с другим человеком, если бы не существовало более великой причины: достичь свершения моей судьбы, стать самим собой. Но я не могу стать самим собой без Христа. Поэтому «да» другому человеку включено в большее «да», в «да», сказанное замыслу Христа о моей жизни. И именно это остается навсегда: мое «да» — «да» Тому, Кто хочет привести меня к полноте моей человечности. Я не могу измерить то, что кажется неудачей. Верность моему «да» (я приво-дил в пример «Stabat mater»), верность даже тогда, когда все, кажется, потеряно, открывает возможность для свершения, которого человек не видит. Понимаете разницу между этими вещами и тем, как кто-то говорит: «Как же так? Начни жизнь заново!» Это совсем другая перспектива, перспектива, принесенная в мир Христом. Он верен. Вспомните притчу о блудном сыне или о словах пророка Исаии: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя»¹⁸⁶.

¹⁸⁶ Ис. 49:15.

Проспери. Я хотел бы остановиться на этом моменте, не только потому что он встречался во многих ваших письмах, но и потому что, как мне кажется, некоторые темы, затронутые в эти дни отцом Джованни, потребуют с нашей стороны серьезности и открытости, чтобы мы могли по-настоящему задаться вопросами о нашей жизни. Мы желаем уподобляться Христу, учиться жить, *как Христос* (так нам было сказано). Меня очень поразил акцент на том, как признавать «да», сказанное Христу в кажущейся неудаче жизни, опыта, особенно когда на кону стоит призвание. Думаю, первый момент, который мы должны рассмотреть, касается того факта, что нас определяет менталитет мира. Хотя мы и верим в то, что говорим, влияние всеобщего менталитета проникает в нас, власть действует, разъедая нас изнутри, сея в нас сомнение в том, что мы признаем наиболее истинным в жизни компании (именно компании, без которой было бы невозможно противостоять власти, но к этому я еще вернусь). На каком заблуждении играет власть? Не просто на том факте, что неудачи случаются, что мы в чем-то ошиблись или, возможно, претерпели несправедливость, против которой восстает наше сердце (потому что сердце просит, чтобы его полюбили в ответ), как рассказывали наши друзья об опыте оставленности или о трудностях в семейной жизни. Нет, заблуждение — превращать нас в неудачников из-за того, что что-то пошло плохо. Но мы не тождественны тому, что делаем, мы не тождественны нашим неудачам, мы не неудачники. Тем более, когда человек невиновен и претерпевает несправедливость, оставленность.

Если говорить лично, совсем по-другому, хотя по-человечески и это можно ощущать как несправедливость, когда моя мама осталась одна с двумя маленькими детьми, ей пришлось выбирать, что делать дальше. Она не приняла сиюминутное решение, а продолжила жить, ясно сознавая лишь одно: в ее жизни есть объективный аспект, имеющий первостепенную важность, — ее дети. Убедительный знак того, что Христос продолжал присутствовать в ее жизни, состоял в том, что Он просил у нее чего-то, и отвечать Ему — значило отвечать тому, что Он ей давал, а не своим представлениям о том, какой должна была быть ее жизнь и как у нее это было отнято. Ты доверяешь тому, что дает тебе Христос, и становишься за это ответственным. Ты берешь на себя ответственность за то, что Христос дает — не за то, что выбираешь ты. Даже перед лицом кажущейся несправедливости. Ты все ставишь на это, ставишь

на это всю жизнь: отдаешь жизнь ради Христа, то есть ради того, что Христос тебе дает и чего просит. Для Джуссани это было предельно ясно и почти просто (настолько это разумно для тех, кто признает Христа господином своей жизни), что он даже изобрел способ переживать призвание в таких условиях (в оставленности, а также после смерти одного из супругов, если человек, как моя мать, решает больше не вступать в брак). Я имею в виду Братство св. Иосифа. Это не жесткая форма, а путь, позволяющий признавать, как в высшей точке опыта целомудрия можно отдать жизнь Христу так, как не ты выбрал, образом, отличным от того, что ты считал своим призванием, и притом призвание не отменяется, не исчезает. Почему это озарение Джуссани великое? Потому что он ясно понимал: чтобы жить на уровне своих человеческих устремлений, чтобы совершить собственную судьбу и не испытывать в глубине души чувство неудачи, нужна компания, разделяющая с тобой тот же путь к судьбе, разделяющая тот же опыт оставленности и одновременно доверия тому, чего просит от тебя Христос ради Его славы в мире.

«В отношениях между друзьями все острее ощущается потребность поддерживать друг друга, потому что все обстоятельства жизни призывают и по сути являются призванием. Вопрос призвания, в частности, актуален для тех, у кого есть семья. Как помочь в плане призвания друзьям, переживающим драму, преодолевающим трудности? Меня поражает взгляд на любовь в ключе глубокого общения жизни, которое есть сама природа Бога, если я хорошо понимаю. Мне хотелось бы лучше понять, что это значит для жизни групп Братства: как группы осуществляют такую любовь, такое глубокое общение?»

Проспери. Остановлюсь на этом на несколько минут, поскольку вопрос затрагивает основополагающий для нас момент. Мы на упражнениях Братства, и поэтому всегда должны напоминать друг другу, что значит жить опытом Братства в повседневности.

В эти годы я встречался с разными группами Братства. В некоторых я наблюдал по-настоящему светлый опыт: семьи, помогающие друг другу, живущие трогательной взаимной любовью, являющиеся присутствием там, где они находятся, вплоть до создания конкретных дел.

Я увидел в них идеал Движения, проверенный повседневностью, способный озарять жизнь во всех ее деталях, включая трудности и страдания, которые перестают быть препятствиями и превращаются в дорогу к свершению жизни. Я думаю о важнейших решениях, принимаемых вместе: например, люди советуются относительно перспективы сменить работу, выбора лучшей школы для детей, советуются в свете христианского опыта, какой мы постоянно получаем благодаря харизме. Естественно, решение всегда остается личным, но путь проверки до и после его принятия — совместный, вплоть до деталей, так что никто не остается один на один со своими убеждениями или своей неуверенностью, со своими успехами или своими ошибками; в любом случае люди вместе.

Все это позволяет нам догадываться о силе предложения Джуссани, особенно сегодня, в момент, когда семьи призваны преодолевать множество разного рода трудностей и моментов хрупкости. Мы постоянно это видим, сталкиваемся со всем этим каждый день. Есть особенно деликатный период: окончание школы или переход от университета к работе, когда возникает искушение оставить опыт, пережитый в Движении в старших классах или в студенческие годы, если в новых условиях жизни не оказывается подходящей компании. Некоторые ограничиваются участием в отдельных предложениях или читают отдельные тексты из того, что мы советуем. Этим, однако, не исчерпывается, цитирую Джуссани, «вовлечение моей жизни в твою и твоей в мою»¹⁸⁷, которое он называет первым столпом жизни в вере. Группы Братства служат тому, чтобы богатство Движения проникало в личный опыт — именно это озаряет жизнь. В письме, которое мы до сих пор отправляем новым членам Братства, Джуссани писал: «Частью *метода помощи* в вере является выраженная общинность... [которая] подразумевает конкретизацию — насколько это возможно — единства, в котором мы себя распознаем. Воплощение общинности происходит через вовлечение всей жизни, так что происходящее с другим человеком уже не может не влиять на мою жизнь и не вовлекать ее (на всех уровнях, от духовного до материального)». Подумаем, какими радикальными кажутся нам эти вещи. И все же такое вовлечение истинно, если оно проходит через свободу каждого: «Общинность жизни — принцип, на основании

¹⁸⁷ L. Giussani. *Una rivoluzione di sé*. P. 12.

которого надлежит судить о себе и о своих поступках, а не просто набор дел, которые нужно сделать. И правда, нет подлинного общения, если оно не проходит через фильтр историчности и темперамента каждого человека. Необходимо, чтобы стало явным, что мы одно, мир должен увидеть, что христиане — одно целое. Если мы не стремимся к этому с разумностью и свободой сердца, а значит, и в радости духа, кто еще будет стремиться?»¹⁸⁸

Итак, чем группа Братства отличается от любой другой группы друзей? Силой привязанности, частотой встреч, количеством совместных дел? Возможно, и этим тоже, но не обязательно. Я бы даже сказал, разница не в мере всего этого. Качественная разница — лишь в цели, ради которой мы вместе, как было сказано в первый вечер. Ради какой цели мы вместе? Джуссани говорит предельно ясно: «Братство — свободное объединение людей в компанию ради того, чтобы жить опытом Движения. Положим, мы хотим взойти на северную стену какой-то горы: мы собираемся вчетвером или впятером. Собираемся на основании свободного выбора, который может быть не связан с симпатией или дружбой, а опирается на серьезность наших намерений. Мы собираемся вместе, чтобы жить опытом „Общениа и освобождения“, поскольку Братство — не что иное, как зрелое выражение опыта „Общениа и освобождения“, признанное Церковью»¹⁸⁹. Так проясняются и критерии выбора группы Братства. Почему именно эта группа? Потому что лица этих людей поддерживают меня на пути веры. Возможно, они возражают мне каждый раз, как я открываю рот, и, возможно, мы часто не соглашаемся с ними насчет очень многого, но, когда я вижусь с ними, я получаю новый импульс и новое побуждение к проверке веры, чего не случается с другими. А значит, выбрать группу — значит прежде всего признать, заметить, что вы были избраны вместе, и проявить послушание перед таким предпочтением, которое принадлежит не нам, не основано на нашей чувствительности: это предпочтение Христа по отношению к моей жизни, выражаемое через тех, кого Он мне дает и кто помогает мне больше остальных признавать Его Царем моей жизни.

Истинное предпочтение, говорит Джуссани, касается в первую очередь не того, что нам нравится, а выбора, предпочтения того, что дает

¹⁸⁸ L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. Cinisello Balsamo (MI): San Paolo, 2002. P. 251–252.

¹⁸⁹ *Ibidem*. P. 203–204.

нам Бог. И потому группа Братства не является и никогда не может являться альтернативой Движению. Совсем наоборот. Это помощь в личном пути веры, совпадающая с помощью в следовании за единым Братством, выражающим целостное и зрелое предложение Движения во всех его измерениях: культуре, делах милосердия, миссии. Группа поддерживает наше следование за Движением, и на основании этого мы судим о ней и проверяем ее: если в твоей группе Братства тебе не помогают следовать за Движением, смени ее! Цель жизни не в том, чтобы оставаться верными определенным лицам. Цель твоей жизни — оставаться верным дороге, на которую поставил тебя Христос, и лица важны в той мере, в какой они поддерживают тебя и помогают тебе в этом, в верности этому, в более явном доверии этому. Если в группе сложности с этим, возможно, вы теряетесь в мелких ссорах и обидах, которые со временем не получается преодолеть. И тогда, прежде чем уйти, нужно обратиться к кому-то извне, кто поможет прежде всего расширить горизонт (потому что и группа Братства может замкнуться на определенных лицах). Но горизонт расширится только в том случае, если человек, помогающий нам, сам следует. Если группа призвана помогать нам следовать, то тот, кто приходит извне, должен помогать нам больше следовать за Движением — за опытом, который кто-то направляет, и за его шагами. Речь не о том, кто для меня авторитетнее, потому что харизматичнее. Нет! Речь о том, кто больше помогает мне жить причиной, по которой существует группа Братства, — следованием за Движением. А иначе мы теряемся в дискуссиях, которые ничего не разрешают и становятся лишь очередной проблемой. Эти вопросы, между прочим, уже поднимались на последней встрече приоров, опубликованной на сайте Братства. Рекомендую вам ее перечитать.

Итак, мы должны прилагать усилия, чтобы группы обретали все более глубокое осознание цели, ради которой они появились, как гласит руководство: «Ключевая идея Братства — открытие того факта, что взрослый человек в равной степени несет ответственность как за свою работу и семью, так и за свою святость: за жизнь как путь святости, за жизнь как призвание»¹⁹⁰, — потому что святость, как всегда говорил отец Джуссани, не удел сверхлюдей, она касается всех. И мы сегодня видим, что Церковь начала процесс канонизации, то есть признания

¹⁹⁰ *Ibidem*. P. 245.

святости, некоторых наших друзей, выросших в русле нашей истории. Речь о чем-то, к чему призваны все, как говорит Пьер де Краон в книге этого месяца — «Извещении Марии»: «Святость не в том, чтобы пойти и быть побитым камнями у сарацин или поцеловать прокаженного в губы, Но чтобы исполнить Божью волю тотчас же, велит ли Он оставаться там, где мы есть, или же подниматься выше», [потому что] «не камень выбирает себе место, но Мастер работ, который избрал его»¹⁹¹. Группы Братства призваны быть местами, где компания Мастера, Учителя, Христа становится ближе в лоне компании Церкви.

Закончу указанием на главный, как мне кажется, момент. Во время собрания на первых упражнениях Братства 8 мая 1982 года Джуссани задали вопрос: «Какое конкретно дело требуется от нас сегодня в Церкви?» Он связан со всем, о чем мы говорим со Дня начала года: с созиданием Церкви. Ответ Джуссани звучал так: «Дело, которое требуется от нас в сегодняшней Церкви, называется „движением“, движением „Общение и освобождение“, ничего другого»¹⁹². Это верно и сегодня, независимо от каких бы то ни было наших истолкований. Вся Церковь просит от нас именно этого. Пожалуйста, давайте не забывать об этом.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

• **Общий фонд.** В книге «Una rivoluzione di sé» Джуссани в какой-то момент говорит: «Неправда, что, став взрослыми <...>, мы должны оставить воспитательные инструменты, которые вовлекали и воспитывали нас в „Студенческой молодежи“. Это не так! По мере того как мы шли вперед... становилось все более очевидным, что мы всегда нуждаемся в воспитании; поэтому нам необходимо вернуться к знаменитым измерениям жизни [культуре, делам милосердия и миссии], которые для „Студенческой молодежи“ очерчивали основополагающие аспекты христианского личностного роста, и нам все еще необходимо вернуться к инициативам, в которых эти категории воплощаются»¹⁹³.

¹⁹¹ П. Клодель. *Извещение Марии*. С. 40, 38.

¹⁹² L. Giussani. *Una strana compagnia*. Milano: BUR, 2017. P. 56.

¹⁹³ L. Giussani. *Una rivoluzione di sé*. P. 112–113.

Джуссани говорил, что воспитание — непрерывная линия, которая начинается при рождении и заканчивается со смертью. Одной из инициатив, направленных на воспитание миссионерского сознания, был общий фонд, или «десятина», как тогда говорили. В тексте 1959 года «Gioventù Studentesca. Riflessioni sopra un'esperienza» («„Студенческая молодежь“. Размышления об опыте») отец Джуссани пишет: «Нужно систематически призывать ребят не получать никаких денег без того, чтобы какая-то их часть, малая или большая, в соответствии с обстоятельствами или щедростью каждого, не была отделена в качестве конкретного свидетельства заботы о всем мире и его счастье, которое сводится к распространению в нем Царства Божия. Это понятие „десятины“, древнее, спонтанное и естественное для подлинного христианского сознания»¹⁹⁴. Возможно, не все знают, что материальные нужды молодых людей, в 1960-е годы первыми отправившихся с миссией в Бразилию, покрывались за счет части десятины, которая откладывалась в общий фонд. Им распоряжалось «Общество друзей Бразилии» (SAB)¹⁹⁵, куда входили некоторые старшеклассники, взявшие на себя прямую ответственность за связь с друзьями по ту сторону океана.

Таким образом, общий фонд появился и существует до сих пор ради приучения к миссии, как конкретное свидетельство о заботе в отношении мира, которая выражается в пламенном желании распространять Царство Божие, то есть, чтобы расширялось Тело Христово — Церковь.

Общий фонд приучает к бедности, потому что приучает переживать все в связи с чем-то большим; жить, а значит, воспринимать, оценивать, постигать все в связи с чем-то большим, чем ты сам, то есть с идеалом, Христом, смыслом всего. Один друг пишет (письмо опубликовано в январском номере журнала «Трачче» на итальянском языке): «Я записался на школу общины и заплатил взносы в общий фонд после нескольких лет перерыва. Вот уже какое-то время я не участвую интенсивно в жизни и предложениях Движения, но в этом году что-то изменилось. Я в третий раз стал отцом. Карлотте еще до рождения диагностировали синдром Дауна, и я не могу отрицать, что это было потрясение. Возникло много практических вопросов, прежде всего,

¹⁹⁴ L. Giussani. *Il cammino al vero è un'esperienza*. Milano: Rizzoli, 2006. P. 76.

¹⁹⁵ Cfr. M. Camisasca. *In cammino dentro il mondo. La storia di CL (1954–1984)*. Cinisello Balsamo (MI): San Paolo, 2014. P. 112.

если задуматься о будущем и двоих других детей: как нам заботиться о ней и кто будет это делать, когда нас не станет? Все эти заботы никуда не делись, но единственное, что сопровождало нас во время беременности — уверенность, что мы не одни, и это я ощущал буквально физически. Я чувствовал, как меня сопровождают, благодаря лицам самых близких людей, навещавших нас до родов. У всех мы просили молиться о нас, чтобы случилось чудо, но не о том, чтобы дочь была здорова, чтобы диагноз оказался ошибочным. Я просил о чуде для себя, чтобы я мог постоянно обращаться и признавать: это не я действую, все творит Другой, я лишь Его инструмент. Карлотта родилась, и я могу сказать, что не чувствую ее только своей: она дочь всех. Через нее Бог заронил семя, и оно начало прорасти во мне, в моей семье и во всех людях, с которыми мы встречаемся и встретились во время беременности, и я говорю не только о друзьях»¹⁹⁶.

Столкнувшись со всеми практическими вопросами, возникшими, когда его дочери диагностировали синдром Дауна, наш друг решил возобновить взносы в общий фонд. Он не решил отвлечься и подумать о чем-то еще, а заметил, что единственное по-настоящему необходимое для него и его дочери как раз в свете всех вопросов — наша компания. И это стало свидетельством и для других людей, которые их встречали.

Понимание того, что существует реальность, которая имеет для меня не меньшее значение, чем семья и работа, и в которую я, такой бедный, как я есть (и не только в плане денег), могу внести свой вклад (неважно, насколько большой, главное — верность, воспитывающая меня!), — такое понимание возможно благодаря признанию всеобъемлющей роли Христа в моей жизни. Я могу принять решение отдать Христу все, но если я не склонюсь к тому, чтобы полностью отдать себя той реальности, которую я признал своим путем, это решение останется абстрактным. Именно через участие в общем фонде (в том числе) растет осознание того, что мы одно тело. Как в семье: если в вашей семье у детей или братьев и сестер есть насущная потребность, вы стараетесь им помочь. На мой взгляд, это один из самых сложных аспектов, который сегодня трудно преодолеть из-за индивидуалистического восприятия самих себя, из-за мысли, что мы спа-

¹⁹⁶ Il seme piantato attraverso mia figlia // *Tracce*. N. 1. 2025. P. 2.

саем себя своими силами (и если у нас не получается, мы чувствуем себя неудачниками). Словосочетание «общий фонд» содержит слово «общий» именно потому, что оно указывает на наше общение и имеет смысл, если есть это общение между нами.

В этой связи меня всегда поражал тот факт, что Джуссани указывает на существование единого общего фонда. В письме новым членам Братства он пишет: «Если группа хочет поддержать, в том числе и финансово, собственную инициативу, она должна обсудить ее с центральной дьяконией»¹⁹⁷. В этом вопросе он был непреклонен. Не потому, что хотел быть жестким, а ради свободы! Ради свободы в том, что мы делаем. Наши деньги в конечном счете не «наши», а потому и способ использовать их тоже не «наш». Думаю, так Джуссани хотел помочь нам осознать конкретность Движения в нашей жизни: если я плачу взносы в общий фонд Братства, я должен спросить себя, является ли оно для меня лишь административным органом или же реальностью, без которой я не могу жить! Когда взрослый человек берется за кошелек, значит, то, ради чего он отдает деньги, действительно важно.

Практический процесс внесения взносов в общий фонд может быть сухим в своей повторяемости, но на кону стоит великий горизонт, который мы пытались описать. Поэтому мы должны всегда напоминать друг другу причины, по которым мы это делаем. И я приглашаю всех, кто несет ответственность в Движении на всех «уровнях», вновь предложить общий фонд в рамках общины. Однако, поскольку, как мы часто говорили в последние годы, все мы несем личную ответственность за харизму, давайте помогать друг другу и в этом и не перекладывать все на тех, кто стоит во главе общины.

• **Миссия и присутствие.** Как было сказано на Дне начала года, мы призваны ради задачи. Быть призванным — значит быть посланным. Не мы решаем, куда и когда, и об этом мы слышали в письмах, которые цитировали на упражнениях. Кто-то призван оставаться дома и заботиться о новорожденной дочери, другие — отправиться в Святую Землю в разгар войны, но все мы — все! — призваны свидетельствовать о любви, которую мы получили. От нас требуется лишь готов-

¹⁹⁷ L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. P. 254.

ность к свидетельству. Уже после Дня начала года, в рамках которого мы говорили о миссии, некоторые семьи готовятся к отъезду в диалоге с международной комиссией Движения.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова Вербного воскресенья: Ис. 50:4–7; Пс. 22 (21);

Флп. 2:6–11; Лк. 22:14–23:56

**ПРОПОВЕДЬ МОНСЕНЬОРА ДЖОВАННИ ПАККОЗИ,
ЕПИСКОПА САН-МИНИАТО**

Воистину, Иисусе, Твоя любовь безмерна. В то время как Тебя пригвождали ко кресту, Ты перед Отцом оправдывал тех, кто это совершал, говоря: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают». Этому милосердию, этой безмерной, безграничной любви, мы, подобно разбойнику на кресте, вверяем себя. Мы тоже вверяем себя верности любви, которая нам предшествует и к которой мы идем, у которой Твое лицо, Христе, Твое лицо здесь и сейчас среди нас.

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Его Святейшеству папе Франциску

Ваше Святейшество,

около 21 000 человек, собравшихся вместе в Италии, более 3 000 человек, подключившихся к трансляции у себя дома из-за невозможности передвигаться, а также общины в девятнадцати странах мира участвовали в эти дни в духовных упражнениях Братства «Общения и освобождения». В других пятидесяти девяти странах упражнения пройдут в ближайшие недели.

Как и в прошлом году, проповедовал Его Высокопреосвященство монсеньор Джованни Паккози, епископ Сан-Миниато, упражнения имели темой фразу «Мы познали любовь» (1 Ин. 3:16), были посвящены любви и тем самым завершили трехлетний цикл упражнений о богословских добродетелях.

Для нас это была возможность вспомнить о главной весте всей человеческой истории: Тайна, от которой зависит все сущее, явила Себя как любовь и отдала жизнь за нас. Поэтому мы призваны к обращению, которое выражается, прежде всего, в верности Его любви, достигающей нас и вовлекающей в объятие Церкви.

Присутствие Его Высокопреосвященства кардинала Фаррелла авторитетным образом подтвердило, что Церковь поддерживает нас и сопровождает на нашем пути веры.

Желая ежедневно отвечать на вечно предшествующую нам любовь Христову, молим Господа о Вас и вверяем себя Вашему отеческому благословению.

Давиде Проспери

*Его Высокопреосвященству кардиналу Маттео Дзуппи,
президенту Итальянской конференции епископов*

Ваше Высокопреосвященство,

около 21 000 человек, собравшихся вместе в Италии, более 3 000 человек, подключившихся к трансляции у себя дома из-за невозможности передви-

гаться, а также общины в девятнадцати странах мира участвовали в эти дни в духовных упражнениях Братства «Общения и освобождения».

Как и в прошлом году, проповедовал Его Высокопреосвященство монсеньор Джованни Паккози, епископ Сан-Миниато, упражнения имели темой фразу «Мы познали любовь» (1 Ин. 3:16), были посвящены любви и тем самым завершили трехлетний цикл упражнений о богословских добродетелях.

Для нас это была возможность вспомнить о главной вести всей человеческой истории: Тайна, от которой зависит все сущее, явила Себя как любовь и отдала жизнь за нас. Поэтому мы призваны к обращению, которое выражается, прежде всего, в верности Его любви, достигающей нас и вовлекающей в объятие Церкви.

Благодарим Вас за Вашу близость, испрашиваем Вашего благословения и сердечно приветствуем вас.

Давиде Проспери

*Его Преосвященству монсеньору Николо Ансельми,
епископу Римини*

Ваше Преосвященство, около 21 000 человек, собравшихся вместе в Италии, более 3 000 человек, подключившихся к трансляции у себя дома из-за невозможности передвигаться, а также общины в девятнадцати странах мира участвовали в эти дни в духовных упражнениях Братства «Общения и освобождения».

Проповедовал Его Высокопреосвященство монсеньор Джованни Паккози, епископ Сан-Миниато, упражнения имели темой фразу «Мы познали любовь» (1 Ин. 3:16) и были посвящены любви.

Для нас это была возможность вспомнить о главной вести всей человеческой истории: Тайна, от которой зависит все сущее, явила Себя как любовь и отдала жизнь за нас. Поэтому мы призваны к обращению, которое выражается, прежде всего, в верности Его любви, достигающей нас и вовлекающей в объятие Церкви.

Благодарим Вас за поддержку, которую Вы пожелали выразить через Ваши слова, испрашиваем Вашего благословения для пути нашего Братства и сердечно приветствуем Вас.

Давиде Проспери

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель — *Сандро Кьеричи*

«Маэста», созданная Дуччо ди Буонинсенья между 1308 и 1311 годами первоначально располагалась над главным алтарем кафедрального собора Сиены. На лицевой ее стороне, обращенной к верным, находится величественный образ Богородицы с Младенцем, ангелами и святыми, окруженный фигурами апостолов и двумя циклами *Историй Девы*, написанными в вимпергах и пределлах. Обратная сторона с циклом *Истории Страстей* предназначалась для созерцания духовенством во время молитвы на хорах за алтарем. Здесь вимпергах и пределлах помещены *Истории Христа* до и после Страстей.

Дуччо стремится к детальному изложению жизни Марии и Христа и вовлекает в этот рассказ смотрящего. В его повествовании множество людей — участников событий, и художник приглашает нас разделить опыт тех, кто присутствовал при описанных фактах. Мы призваны не просто быть зрителями, а приобщиться к истории, которая произошла на самом деле.

ДУЧЧО ДИ БУОНИНСЕНЬЯ МАЭСТА СИЕНА. МУЗЕЙ СОБОРА

1. Общий вид лицевой стороны
2. Общий вид обратной стороны с Историями Страстей Христовых
3. Вход Господень в Иерусалим
4. Тайная вечеря
5. Омовение ног
6. Иисус пророчесствует ученикам о предательстве
7. Поцелуй Иуды
8. Моление о чаше
9. Арест Христа
10. Христос перед Анной
11. Отречение Петра
12. Христос перед Каиафой
13. Поругание Христа
14. Христос обвиняется фарисеями
15. Христос перед Пилатом
16. Христос перед царем Иродом

17. Вторая встреча Христа и Пилата
18. Бичевание
19. Увенчание терновым венцом
20. Понтий Пилат умывает руки
21. Крестный путь
22. Распятие
23. Снятие со креста
24. Погребение
25. Сошествие в ад
26. Жены-мироносицы у гроба
27. Noli me tangere
28. Ученики на дороге в Эммаус
29. Явление Иисуса апостолам перед закрытыми дверями
30. Уверение Фомы
31. Явление Иисуса апостолам на Тивериадском озере
32. Явление Иисуса апостолам на горе
33. Явление Иисуса апостолам в горнице
34. Сошествие Святого Духа
35. Прибытие апостолов в дом Марии
36. Успение Богоматери
37. Похороны Богоматери
38. Погребение Богоматери
39. Лицевая сторона. Дева Мария на троне с Младенцем, ангелами, святыми и апостолами

Содержание

ТЕЛЕГРАММА ПАПЫ ФРАНЦИСКА 3

Пятница, 11 апреля, вечер

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО 4

ВВЕДЕНИЕ – *«Любовь Божия явлена среди нас»* 11

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ПРОПОВЕДЬ О. МАУРО ДЖУЗЕППЕ ЛЕПОРИ 25

Суббота, 12 апреля, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – *«Чего стоит жизнь, если ее не отдать?»* 27

Суббота, 12 апреля, день

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ –
«Мы любим недолговечное только во имя долговечного».
Жертва и целомудрие 51

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА
КАРДИНАЛА КЕВИНА ДЖОЗЕФА ФАРРЕЛЛА 73

Воскресенье, 13 апреля, утро

СОБРАНИЕ 79

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ МОНСЕНЬОРА ДЖОВАННИ ПАККОЗИ 105

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ 106

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ 108

Перевод: Александра Шилова

© Братство «Общения и освобождения», тексты Л. Джуссани, Д. Проспери и Дж. Паккози, 2025

